

Андрей Посняков

Коньотър

Король

Кондотьер

Андрей Посняков

Король

«ACT»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Король / А. А. Посняков — «АСТ», 2016 — (Кондотьер)

ISBN 978-5-17-098913-3

1573 год. Наш современник Леонид Арцыбашев вновь оказывается в гуще интриг под видом ливонского короля Магнуса. Однако на этот раз могущественный царь Иоанн Грозный осерчал на своего верного вассала и на его молодую супругу, княжну Марию Старицкую. Мария схвачена и привезена в Москву, где ожидает лютой казни. Сам Магнус делает все, чтобы ее спасти, используя старых и новых друзей, собственную смекалку, интриги. Но кроме Марии есть еще и Ливония, истерзанная и погруженная в кровавый хаос войны. Самые сильные державы тогдашней Европы сошлись там не на жизнь, а на смерть: Швеция, Речь Посполитая, Россия... А еще по ливонским землям рыскают банды наемников, сея вокруг разоренье и смерть. Мало того, пользуясь отсутствием монарха, бароны вот-вот поднимут мятеж... Кровь, насилие, хаос... Все как и было предсказано еще лет пятнадцать назад, когда в небе над Ливонией появилась огненная комета, оставившая ныне столь страшный след. У всех, кто хочет мира и благоденствия, осталась лишь одна надежда — ливонский король, уже успевший заявить о себе как истинный государь, озабоченный счастьем своего народа. Все меньше и меньше вспоминает Леонид о том, кто он на самом деле такой, и, забыв про свое самозванство, чувствует и ведет себя как истинный и легитимный «добрый король Магнус»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-098913-3

© Посняков А. А., 2016

© ACT, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Посняков

Кондотьер

Глава 1

Взять их!

Новгородская область

Спустившись с холма по узкой тропке, ярко-красная Ява-250 ходко покатила по пыльной деревенской улице, обдавая сидевших на лавочке у почты старики сизым вонючим дымом.

– Хороша! – старики переглянулись. Один из них, в темно-сером пиджаке с орденом Красной Звезды на лацкане, скептически ухмыльнулся:

- У деверя моего «БМВ» трофеиный. Вот это – машина!
- Так «БМВ» тяжелый, как наш «Урал», а это… это ж ласточка! Смотри, как летит.
- А у Федьки-то, внука – «Ковровец»…
- Ну, ты, Иван, и сравнил. «Ковровец» и «Яву»!
- Так я ж и говорю – у внука-то…

Пока старики спорили, ярко-красная, с хромированными боками, «ласточка» вылетела на шоссе и резко прибавила скорость, вызвав искренне восхищение проезжавших на велосипедах мальчишек.

- Вот это да!
- Здорово!
- Законно!

Все эти восхищенные взглазы относились к самому мотоциклю, а отнюдь не к его седокам – молодому человеку и девушке в старинных, словно взятых напрокат из какого-нибудь

театра, костюмах. На девушки – темно-синий сарафан да белая рубаха с вышивкою, на молодом человеке – натуральный бархатный камзол с гофрированным жестким воротником да штаны с буфами. Не мотоциclist, а «Фанфан-Тюльпан» какой-то! Фильм этот, кстати, не так давно крутили в местном, переделанном из старинной церкви, клубе. Шел на ура! Еще бы – там и приключения, и любовь, и шпаги...

– Как, Маша? – выехав на шоссе, молодой человек обернулся к прижавшейся к нему девочке – очень красивой, темноволосой, с чудными, сверкающими, как небо, глазами. – Не испугалась?

– Не-ет! – засмеялась девушка. – Я ничего не боюсь!

– Тогда держись!

– А?

– Держись, говорю. Сейчас веселее поедем!

Вот уж точно сказал – веселее! Стрелка на спидометре быстро пересекла цифру сто десять, а когда начала подбираться к ста двадцати, слева на повороте вдруг мелькнул желтый мотоцикл. Тяжелый, с коляскою. Гаишник в черной крутке не успел и палочкой махнуть – красная «Ява» промчалась ураганом. Не догонишь, что «Урал» против «Явы»? Тем более на асфальтированном-то шоссе.

Можно было гнать, дорога оказалась на диво хорошей, да и не особо перегруженной транспортом. В основном грузовики – «газоны» да бело-голубые Зилы, груженные сеном… а иные и навозом, да таким ядреным, что при обгоне мотоциclistам приходилось задерживать дыхание.

Сто двадцать «Ява» шла легко, без напряга. Двигатель работал на удивление тихо, а подвеска оказалась такой мягкой, что даже укачивало.

– Водитель мотоцикла «Ява» красного цвета, немедленно остановитесь! Водитель мотоцикла «Ява»...

Усиленный репродуктором голос властно прозвучал из желто-синего «Москвича», возникшего в зеркале «Явы».

– Водитель мотоцикла «Ява»...

Мотоциclist выругался – «Москвич»-то не отставал, гадюка! На обгон не шел, но маячил позади, как приkleенный. Встреча с дорожной службой, похоже, в планы молодых людей не входила, и, обогнав автобус, «Ява» вдруг резко сбросила скорость и свернула на сельскую дорогу, а с нее – и вообще в поле, точнее говоря на луг. Так и покатила меж высоких медвяных трав по узкой тропинке. Перла как танк, не вздрогнула!

Мотоциclist остановился в небольшом перелеске, у высоких берез с первыми желтыми прядями среди густо-зеленои листвы. Еще было по-летнему тепло, хотя в светло-синем звенящем от прозрачности и чистоты небе уже собирались стаями первые перелетные птицы.

– Отдохнем, – аккуратно поставив «Яву» на подножку, молодой человек погладил хромированный бензобак и с улыбкой оглянулся на обворожительно красивую спутницу, словно сошедшую со страниц глянцевого журнала мод. – Ну, как ты?

– Я-то? Хорошо! – усевшись прямо в траву, девочка лукаво улыбнулась. – Ах, Магнус, супруг и король мой, сам Господь нынче помог нам! Мы все ж убежали, я вижу. Вот только никак не пойму, на чем это стрельцы за нами гнались? У них что, тоже железные кони есть?

– Послушай, Машенька… – молодой человек, коего девушка только что назвала «супругом и королем Магнусом», внезапно задумался, не зная, что и сказать.

Он действительно был королем, королем Ливонии, государства, образованного в конце шестнадцатого века в ходе Ливонской войны, с подачи Ивана Грозного. И Маша… княжна Мария Старицкая, принцесса крови, племянница самого царя, совсем недавно стала его женой супругой. И сам Иван Васильевич веселился и плясал на их свадьбе… а потом повелел

предать обоих самой лютой казни! Якобы за предательство. За колдовство. Это все Бельские да Щелкаловы напели, подлые! Хотя если взять Машу, то – да, обвинения не были лишены оснований. Колдовала юная княжна, чего уж! Хотела извести «батюшку-царя», отомстить. Так ведь и было за что – кровавый тиран погубил почти всю ее семью, казнив родителей. Старшая Машина сестрица, Евфимия, три года назад умерла, остался лишь брат – князь Василий. Он и помог. Предупредил о казни. Пришлось срочно бежать – и тут вот пригодилась «Ява», с которой очень даже неплохо управлялся ливонский король…

Все дело в том, что Магнус был не совсем Магнус… и даже вовсе не Магнус, а некто по имени Леонид Арцыбашев, увлекающийся исторической драмой актер и режиссер провинциального театра, перебравшийся в начале двадцать первого века в Москву и вдруг ощущивший в себе тягу к антиквариату. Подземелья московского Кремля увлекли его, затянули и выбросили в прошлое… прямо в Кремль, где Леню приняли за пропавшего принца Магнуса, датского «немца», приглашенного в Москву самим царем Иоанном Грозным.

Пришлось стать Магнусом. И срочно искать способ вернуться обратно. Провал в пространстве и времени, проход, портал… Один из таких «провалов» располагался в Кремле под Тайницкой башнею. Но, увы, перестал работать. Другой был где-то в море у острова Эзель – Сааремаа – и тот еще попробуй найди. Хорошо, отыскался третий – в Новгородской земле, превращенной после опричного похода Ивана почти в пустыню.

Так вот, через портал, и бежали. Спаслись! Теперь нужно было думать – что дальше.

Ну, во-первых, помочь юной княжне справиться с первым шоком. Она ж всю жизнь в шестнадцатом веке жила, а тут… Тут шоссе, автомобили, мотоциклы… трактор, вон, поле пашет. Под озимые, наверное.

– Маша! Помнишь, я тебе рассказывал про свой мир?

– Про свое королевство? – девушка прищурилась и потянулась. – Что-то не похоже на Ливонию. Да и не могли мы до нее так быстро добраться.

– Ну… это не совсем Ливония… – протянул Магнус, искоса поглядывая на трактор. – В общем, ты здесь не должна ничего бояться! Ни скоростей, ни передвигающихся без лошадей повозок, ни…

– Ха-ха-ха!!!

Маша неожиданно рассмеялась, заливисто и громко, так, что сидевшая на ветке растущей рядом березы сорока, недовольно забив крыльями, упорхнула куда-то в лес. Впрочем, княжна тут же стала серьезной:

– Не бояться? О, супруг мой! Я Грозного царя не боялась и опричников его поганых – тоже! А ты думаешь, телег без лошадей испугаюсь или еще чего? Они что, лютой смерти страшнее? Еще раз тебе говорю. Я! Ничего! Не боюсь! Понял?

– Ну, ну, милая… – опустившись в траву рядом с Машей, Леонид ласково погладил супругу по спине. – Я ж знаю, что ты у меня смелая. Просто… осторожнее надо быть, вот что. И… не удивляться ничему. Что непонятно – у меня спроси, а я уж объяснить постараюсь.

– Хорошо, – княжна понятливо кивнула и пристально посмотрела мужу в глаза. – Те люди на желтых повозках – посланные царем стрельцы?

– Н-нет, – покусал губу Арцыбашев-Магнус. – Это свои, местные…

– Зачем же они тогда за нами гнались?

– Наверное, мы просто слишком уж быстро ехали.

А вот это – да. Быстро! Шутка ли – сто двадцать километров в час. Вот гаишники и всполошились. Так что он, Леонид, сам во всем виноват, сам себе злой Буратино. Хорошо хоть, ушли, иначе… Страшно себе даже представить, что было бы «иначе». А так…

– Любой, ты, если можешь, так мысли вслух, – негромко попросила Маша. – Чтоб я все слышала. Может, и подскажу чего, помогу – не дура ведь.

– Вслух? Х-хорошо, – Леонид отозвался несколько растерянно. – Только ты, пожалуйста, не перебивай, если что-то непонятное вдруг услышишь. Я тебе потом объясню, да?

– Хорошо, – согласно кивнув, юная красавица погладила мужа по волосам и тут же показала рукой на маячивший в отдалении трактор: – Этот самоходный амбар, я так понимаю, поле пашет?

– Ну да, так и есть.

– И много здесь амбаров таких?

– Много, Машенька, много, – Арцыбашев порывисто поцеловал жену в губы и с жаром продолжил: – Ты даже себе не представляешь, как всего много! И амбары, и повозки, и… даже железные птицы, что возят людей… и Интернет, и…

– Что-что?

– Интернет тебе точно понравится! За уши потом не оттащишь. Главное, там и образования-то никакого не надо… одни навыки. В общем, для шестнадцатого века – в самый раз.

– Загадками говоришь, – усмехнулась княжна. – Давай-ка, супруг мой, думать уже! Как ты говоришь, планы строить.

– Хорошо… Только договорились – вопросов раньше времени не задавай!

– Договорились, сказала уж.

– Ну, тогда начнем… – Ливонский король задумчиво посмотрел в небо, на тающий реверсивный след реактивного лайнера и, шмыгнув носом, продолжил… вернее, приступил к делу: – Итак, нам надо добраться в Москву – у меня там квартира съемная, связи… в общем, жизнь.

– Как – в Москву?! К Ивану??

– Ты же обещала не перебивать, милая! – качнув головой, Магнус грозно взглянул на супругу.

– Все, все, поняла – молчу, – поспешил закивала та. – Ты продолжай, любой.

– Если не в Москву, тогда – в Лихвинск, в старый дом. Да, для начала там, наверное, и лучше будет. Адаптируешься, а потом… Адаптироваться – это значит приспособиться, понять все.

– Ага, – благодарно кивнула Марья. – Понятно.

– В общем, там дальше все хорошо, все наладится. Самое главное теперь – добраться. Без разницы, куда – хоть до Москвы, хоть до Лихвинска. А для того деньги нужны. На билеты. Хотя нет – без документов автостопом придется… или на электричках. Но деньги все равно понадобятся – покушать, сменить одежду… а то уж мы как-то вызывающие выглядим. Значит – деньги! «Яву» можно продать или вот… шпагу… кольца…

– У меня тоже перстни есть, – княжна пошевелила пальцами. – Если надо – продадим, чего уж. За один такой перстень покойный батюшка две деревни отдал!

– Ну, за две деревни, положим, не продадим, – продолжал рассуждать Магнус. – Но кое-что даже на местном рынке или у ларечников выручим. На дорогу хватит. Эх, одежонку бы сперва! Хоть какую.

– Тебе наша одежда не нравится, любой? – Маша обидчиво сверкнула глазами. – Ну, уж извини, не сообразила немецкое платье надеть.

– Нет, твоя-то одежка вполне. Так, самую малость поправить… А ну-ка, встань!

Окинув быстрым взглядом Машин сарафан, Арцыбашев вскочил на ноги и вытащил из-за пояса нож. Присмотрелся, примерился… и тотчас оттяпал рукава рубахи, а за ним – и подол сарафана, обнажив ноги супружницы куда как выше колен.

– Эй, эй! – запоздало запротестовала та. – Ты что это делаешь-то? Это что, я теперь так и должна ходить – голой? Срам! Прости, Господи, срам-то какой!

– Красавица ты у меня, – с удовольствием оглядев жену, улыбнулся Магнус. – Точно – с обложки журнала.

– Я… я никуда так не пойду! – княжна густо покраснела, словно ее только что уличили в каком-то уж совершенно отвратительном действе, и вновь уселась в траву, обиженно обняв руками колени.

– Нет, в самом деле – красива, не отвести глаз! – присев рядом, Арцыбашев обнял жену и крепко поцеловал в губы. – Не оторваться! Ну-ну, что ты? Ты веришь ли мне, любезная Марья Владимировна?

– Верю… – одними губами прошептала Маша. – Верю.

– Тогда делай, что я скажу. Пойми – здесь все так ходят. И тебе нечего, абсолютно нечего стесняться. Пожалуй, даже наоборот. Ну, что сидишь? Пойдем… Стоп! Сначала мотоцикл спрячем. Помоги-ка во-он в те кустики откатить…

– Кого спрячем?

– Ну, коня нашего… Чешскую хромированную лошадку. Да и шпагу, кстати, там же оставим… Чтоб народ лишний раз не смущать.

Замаскировав мотоцикл ветками, молодой человек вытащил из замка зажигания ключ и засунул его под отслаивающуюся кору приметной кривоватой березки.

Юная королева смотрелась очень изящно и вполне сексуально: синий, с серебряными пуговицами, сарафан с обрезанным выше колен подолом открывал точеные ножки, облаченные в красного сафьяна сапожки с затейливой вышивкой бисером. На руках сверкали самоцветы – браслеты, на пальцах – кольца и перстни. Гламурнее некуда!

– Любой, а мы куда идем-то?

Догнав ушедшего вперед мужа, Маша взяла его за руку – так они и пошли дальше, прямо по лугу, к видневшемуся невдалеке, меж полей, шоссе, выводившему к небольшому поселку. По шоссе то и дело проносились машины, а по полю ездил синий трактор с телегой, и двигавшиеся позади дети высypали в телегу картошку из деревянных ящиков. Картошку собирали тут же, на поле.

– Ну, надо же! – повернув голову, изумился Леня. – Я-то думал, уже давно такого нет. Ах есть, оказывается.

– Что, милый?

– Говорю, школьников на картошку отправили. И…

Он вдруг оборвал речь на полуслове – мимо, прямо по полю, прогрохотал грузовик – старый ГАЗ с кабиной защитного цвета и повешенным прямо на борт кумачовым лозунгом – «XXIV съезду КПСС – достойную встречу!».

– Не, ну и приколисты здесь… однако.

Водитель – чубатый парень в серой, блинчиком, кепке – неожиданно затормозил и, распахнув дверь, высунулся из кабины:

– Эй, вы шефы, что ли? До поселка подкинуть?

– До поселка…

– Давайте в кабину.

Арцыбашев забрался первым, а затем уже протянул руку супруге. А вдруг да водила заведет разговор с княжной? А ведь обязательно заведет. И что та будет отвечать?

– Чувиха – класс! – врубив передачу, шепнул шофер Лене. – Я ее как-то в клубе на танцах видел уже. Не замужем?

– Это моя жена.

– Ну… извини, братан, если обидел.

Насвистывая какой-то непонятный мотив, водитель выбрался на шоссе и погнал машину к поселку, дома которого – в большинстве своем двухэтажные деревянные бараки – виднелись впереди, за деревьями.

На обочине, сразу за поворотом к поселку, стоял желтый полицейский «газик», в просторечии именуемый «канарейкой». Немного странный, старый – с острым «носом» и выступающими крыльями, автомобиль чем-то напомнил Леониду джип времен Второй мировой войны.

Сюда, в глушь, как видно, цивилизация еще не добралась, по крайней мере, если судить по внешнему виду «господ полицейских», щеголявших в обычных «кабинетных» мундирах. Впрочем, может быть, здесь так принято – в полицейской форме Арцыбашев разбирался как-то не очень, да и некогда было разглядывать.

Один из полицейских – высокий блондин с погонами старшего лейтенанта – тормознул грузовик без всякой «палочки», просто жестом. Водитель с готовностью остановился и, распахнув дверь, приветствовал стража порядка вполне по-свойски:

– Здорово, Серега! Что, ловите опять кого?

– «Яву» корыгинскую помнишь?

– Ну!

– Нашлась! Двое на ней были... бежали. А мотоцикл невдалеке, в кустах, бросили. Это то с тобой кто – шефы, что ли?

– Они.

– То-то я смотрю – девка такая... глазастенькая. Ладно, проезжай. Чужих в поселке увидишь – скажи.

На не очень понятное слово «шефы» Арцыбашев опять не обратил внимания. Волновался. Слава богу – зря. Полицейский добродушно отпустил грузовик, теперь уже высадивший пассажиров в самом поселке.

– А что за «Ява»-то? – полюбопытничал Леонид.

– Да мужик у нас тут весной пропал. Корыгин, дачник. Мотоцикл у него был, приметная такая «Ява», красная. Вот вместе с мотоциклом и сгинул... Ну, бывайте, – чубатый махнул рукой. – В клубе, может, вечерком встретимся.

– Нам бы на рынок, – выбирайся из кабины, вдруг вспомнил Леонид. – Где у вас рынок-то?

– Так у автостанции, – водила удивленно повел плечом. – Только он завтра работает. Завтра ж – суббота! Ой! А вид-то у тебя чудной...

– Так – самодеятельность! Гамлета играю, принца.

Завтра...

Поблагодарив шофера, царственные молодожены быстренько огляделись вокруг и присели на скамеечку под высокой ветвистой ивой, что росла здесь же, недалеко от деревянной почты и приземистого кирпичного здания с вывеской «Раймаг». Туда, подумав, и направился Арцыбашев, оставив Машу дожидаться его на скамейке.

Как и в любом уважающем себя сельском магазине, в «Раймаге» продавалось все! Начиная от носовых платков и заканчивая мопедом «Рига», сиротливо приткнувшимся в углу рядом с деревянной радиолой и двумя телевизорами «Рекорд» на смешных ножках. Ну, ретро! Антикварная лавка, что ли?

Впрочем, раздумывать было некогда. Антиквариат – это еще и лучше! Кроме самого Леонида-Магнуса и скучавших за прилавком продавщиц в «Раймаге» еще наблюдалось в пол-десятка посетителей, не столько покупавших, сколько разглядывающих всякого рода промтовары, выставленные на длинных полках. Улучив момент, Арцыбашев быстро подошел к продавщицам и с ходу предложил перстень:

– Отдаю за бесценок! Фамильный. Просто деньги нужны. Очень.

– Вы что... артист, что ли? – продавщицы удивленно переглянулись.

Несколько подзабывший про свой костюм идальго, Арцыбашев самым любезнейшим образом улыбнулся и, махнув рукою, скромно признался:

– Ну да, артист. А что, не похож?

– Что вы! Очень похожи! – хором воскликнули продавщицы.

Восхитились и тут же принялись наперебой высматривать про какую-то филармонию и про других артистов – про Смоктуновского, Тихонова и прочих.

– А говорят, про Штирлица продолжение собираются снимать, вы не в курсе?

– Как же, в курсе! – Арцыбашев вовсе не стал разочаровывать собеседниц, весьма, кстати, юных и вполне себе симпатичненьких. – Собираются… буквально уже в этом году. Мне уже роль предложили… этого… Бормана!

– Ой! А Бормана же Визбор играл! Ну, этот… про лыжи еще поет и про солнышко лесное.

Надо же – Штирлиц, Визбор! Вспомнили, блин…

– Играл, играл… да отказался, – пошутил Леонид. – Песни, мол, писать новые надо, и все такое. Ефремов – тоже. Он-то меня режиссеру и предложил.

– Ого! Вы и Ефремова знаете??!

– И не только его… А что с перстнем-то, девушки? Берете, нет? Чистое золото – не пожалеете.

Продавщицы застеснялись:

– Ой… с рук как-то… Мы же не спекулянтки какие!

В этот момент, громко хлопнув дверью, в магазин ворвался мальчишка в клетчатой рубашке, обвислых на коленках трениках и кедах. Растряянный, растрепанный, дерганый… Кинулся сразу к продавщицам:

– Теть Лена, звони скорей в милицию. Там, в сквере, драка. Девчонку какую-то бьют!

Забыв про перстень, Магнус выскочил из магазина быстрее ветра. Девчонку бьют?! В сквере?

Бегом миновав неширокую площадь, молодой человек бросился к иве, еще издали заметив обступивших вскочившую со скамейки Машу парней, судя по внешнему виду – местных гопников. Плоские, как блин, кепки, патлы нечесаные до плеч, брюки-клеш… Троє. Точнее, уже двое, третий, схватившись за живот, с воем катался по траве рядом. Ага, досталось! И поделом!

– Эй, вы!

Подбежав ближе, Магнус с яростью выхватил кинжал… Гопники оглянулись.

– Серый, у него финка! Атас!

Тот, кто это выкрикнул, на секунду отвлекся – и тут же получил от Маши палкой по плечу! Завыл, заматерился… и опрометью бросился прочь! За ним последовал его сотоварищ. Третьего же оболтусы благополучно бросили. Впрочем, и тот уже поднялся да со всей поспешностью захромал в кусты… тем более что где-то недалеко уже раздался звук полицейской сирены, и на площади у магазина, вынырнув из какого-то переулка, уже нарисовался желтый «луноход» стражей порядка.

– Бежим! – схватив княжну за руку, крикнул Леонид. – Скорее! Да брось ты палку уже…

– Стрельцы?! – Маша сверкнула глазами. – Опричники?

– Они, они… Быстрее!

Супруги пронеслись сквозь сквер, словно вихрь, и, с ходу перемахнув через невысокий забор, оказались в каком-то тенистом и тихом проулке. Гопников нигде видно не было, а вот позади, совсем рядом, послышалась заливистая трель свистка.

– Огороды! – осмотревшись, Леонид вновь схватил княжну за руку. – Там, меж грядками, спрячемся…

Слава богу, жердяная изгородь не представляла для беглецов непреодолимой преграды. Разве что крапива. Но эти обжигающе-колючие заросли Маша особым вниманием не удостоила. Несмотря на голые ноги. Ну, обожглась, конечно. И что?

– Ложись!

Завидев показавшиеся над изгородью фуражки, беглецы разом бросились между грядками и затаились, не обращая внимания на грязь.

– Тут они где-то были, товарищ старший лейтенант. Наверное, к старому клубу свернули. Свидетели говорят, у мужика – нож!

– Ладно, пойдем-ка, глянем… Эх, собаку бы!

Голоса стражей порядка затихли где-то за деревьями. Выждав еще немного, беглецы поднялись на ноги и, глянув друг на друга, обескураженно расхохотались. Разом!

– Ну и видок у нас! – Арцыбашев покачал головой. – Как чушки уделались. Переодеться бы, умыться… Смотри-ка, кажется, здесь дача чья-то. Глянем?

– Угу.

Небольшой дощатый домик с верандою оказался запертым. На двери висел небольшой замок, в дужку которого была вставлена свернутая в трубочку записка.

– «Буду в понедельник, – развернув, прочитал Леонид. – Женя, полей цветы». В понедельник… А что, может, отдохнем немного, а? А то мне эта беготня что-то надоела.

– Залезть в чужой дом? – княжна явно засомневалась. – Так только тати делают.

– Так мы ж не корысти ради… А чтоб не пропасть! Тем более – расплатимся, какой-нибудь перстень на видном месте оставим.

– А если посадские явятся? Что скажем?

– Да не явятся, – отмахнулся молодой человек. – Сама ж слышала – они в понедельник только будут. Разве некий Женя зайдет – цветы полить. Ну, так мы услышим.

Уговорил. Ну, а что еще оставалось делать-то? Шататься грязными по поселку, рискуя в любой момент нарваться на полицейских?

Пошарив под притолочиной, Арцыбашев, как и ожидал, обнаружил там ключ и, отперев замок, галантно распахнул дверь:

– Прошу вас, моя княжна!

– Дверь-то запахни поплотнее…

Внутри неожиданно оказалось просторно и даже как-то уютно. Большие, наполовину задернутые занавесками и тюлем, окна, круглый стол, диван, несколько стульев, полки с книгами, старинная радиола в углу – на ножках, в полированном деревянном корпусе.

– А вот и умывальник! – радостно сообщил Леонид. – И вода в ведрах есть… Там, с этими-то паскудниками, как вышло?

– Так я ж тебе говорила – в такой срамной юбке на людях показываться нельзя! – подойдя к умывальнику, Маша принялась смывать грязь с коленок. – Сидела я, по сторонам глядела – чудно! Девы с колясками чудными гуляют – а в колясках тех младенцы! Как в колыбели! Ну, не чудо ли? А эти, шильники, неведомо откуда взялись – не увидела. Двое сели по бокам, давай, мол, знакомиться… Один мне на колено руку положил. Это мне-то, княжне?! Королеве ливонской! Совсем страх потеряли, холопы рыла! Давненько плетей не нюхали! Пришлось проучить… Одного – в скулу локтем ударила, второго – в горло, третьего – в пах. Тут и палка подходящая рядом нашлась… Коли б ты, любой, не помешал, уделала бы шильников так, что родные мать с отцом не узнали бы! Я ж могу… Меня князь Иван, воевода, учил…

– Ты у меня вообще – храбрая. Давай, сарафан-то грязный снимай-ка…

Леонид помог своей юной супруге снять грязный сарафан, а за ним – и рубашку. Бросив одежду на кресло, невольно застыл, любуясь прекрасным телом. Застыл на какую-то секунду и почти сразу же, порывисто обняв женщину, притянул к себе, погладил пальцами грудь, поласкал спинку, целуя в пухлые губки с жаром, пылом и страстью.

Маша поддалась с готовностью, без всякого своего обычного стеснения: ведь молодые уже были венчанные муж и жена, и то, что сейчас происходило меж ними, вовсе не считалось грехом, наоборот...

Молодожены упали на диван, сливаясь в едином экстазе накатившей любви. Какое-то время были слышны лишь вздохи да гулкое, словно полковые барабаны, биение сердец. А вот уже юная княжна запрокинула голову и, прикрыв пушистыми ресницами глаза, выгнулась, застонала...

Стройненькая, с упругой грудью и плоским животиком, с точеным лицом и синим взором больших сверкающих глаз, Марья Владимировна Старицкая выглядела изумительно красавицей. Изысканно обнаженная, томная, зовущая нимфа с искрящимся васильковой синевой взором...

— Ах, милая...

Едва переведя дух, Арцыбашев накрыл губами розовый твердый сосок. Поласкал языком, погладил рукою, млея от теплой шелковистости кожи, от восхищенного осознания того, что эта нагая богиня — его! Его супруга, молодая жена, его Марьушка, Маша... Мать будущих детей, для счастья которой Леонид был готов сделать все.

— Надо сарафан постирать, — княжна ласково погладила мужа по голове и осмотрелась. — Ага, вот и таз... Что смотришь? Думаешь, раз княжна, так и стирать не умею?

— Ничего я такого не думаю. Вот истинный крест!

Магнус сконфуженно потупился: действительно, при виде обнаженной юной красавицы думалось совсем о другом. Вовсе не о стирке.

— Отвернись, — неожиданно покраснела девушка. — Я еще не привыкла.

Вскочив, она сняла с кресла рубашку, натянула, взялась за сарафан...

Обмотав вокруг пояса покрывало, Леонид схватил ее за руку:

— Брось ты эту грязь. Лучше здесь одежду поищем.

— Чужую?! — княжна оскорбленно сверкнула глазами. — Которую бог знает кто носил?

— Все же лучше, чем грязь, — шаря в старом шкафу, хмыкнул король. — И, главное, не такзывающее. Ого! На-ко вот, примерь.

Он протянул молодой жене платье — обычное, сатиновое, синее в белый горошек.

Княжна возмущенно отвернулась, даже не посмотрев, и Леонид задумчиво покусал губу. С этим ее отношением нужно было что-то делать. В конце концов, может, и правда, оставить обрезанный сарафан? А что? Смотрится вполне по-современному и весьма сексуально.

— Ой! Тут какие-то книжицы! — Маша взяла с тумбочки кипу старых журналов, раскрыла один, принялась рассматривать, заинтересованно накручивая локон на большой палец. — Какие тут... боярышни! Вот в летнике... вот в сарафане... А вот, прости господи, в портах! Как турчанка. Ого! А тут и вообще срам — почти что нагие, только веревочками какими-то прикрыты.

— Это бикини называется, — скосив глаза, пояснил Арцыбашев. — Купальник такой. Чего ты там смотришь-то?

Подойдя ближе, молодой человек взял из стопки журнал — «Бурда моден» за 1973 год, майский номер. Еще были «Советский экран» и «Мода социалистических стран» — все тоже начала семидесятых. Ну, правильно — что еще можно найти на старой даче?

Кроме так не понравившегося княжне платья, в шкафу оказалась вполне добротная куртка, пара клетчатых мужских рубах — так называемых ковбоек, старый кримплленовый костюм ужасного темно-коричневого цвета и женские брюки-клеш из плотной, похожей на джинсу, ткани.

После просмотра журналов, брюки эти неожиданно привлекли Машино внимание. Девушка даже примерила их, натянула — оказались впору, только заметно коротковаты, но с замшевыми сапожками — в самый раз.

Арцыбашев тряхнул головой и одобрительно улыбнулся:

– Ты еще рубашку какую-нибудь примерь, или блузку, а я пока на кухне пошарюсь, чего-нибудь съестного поищу.

На маленькой – метра два на три – кухоньке кроме печи еще имелись старинный буфет, три табуретки и стол, накрытый старой газетой. С первой страницы браво улыбался бровастый Леонид Ильич. «Правда» за девятое сентября тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Надо же – и не пожелела ничуть!

В буфете, кроме алюминиевых вилок-ложек и прочей посуды, оказались закрутки со всяческими солеными (как видно, недавними) и пара жестяных банок свиной тушенки, кои молодой человек тут же переставил на стол.

На верхней полке буфета краснело пластмассовыми боками старое проводное радиопрепродуктор. Леонид машинально покрутил ручку звука – больше там крутить было нечего. В репродукторе вдруг заиграла музыка, и приглушенный мужской голос сказал:

– Здравствуйте, товарищи! Начинаем концерт по заявкам. К нам пришло письмо от работницы фабрики «Большевичка» Ирины Андреевны Ивановой с просьбой передать для ее подруги, знатной станочницы Антонины Тимофеевны Лесниковой, хорошую песню! Что ж, уважаемая Антонина Тимофеевна, принимайте музыкальный подарок. Для вас поет Геннадий Белов!

– Травы, травы, травы не успели, от росы серебряной согреться… – затянул хорошо поставленный баритон.

– Любой… – на кухню вдруг заглянула Маша, окидывая обстановку удивленным взором. – А с кем это ты тут разговариваешь?

– Так… сам с собой…

– А поет кто?

– Это по радио…

– По ра-дио…

– Ого! Да ты у меня самая модная, Машенька!

Честно сказать, Арцыбашев не поверил своим глазам. Вместо средневековой боярышни перед ним стояла вполне современная молодая девчонка – студентка или еще кто: в синих брюках-клеш и просторной, с подкатанными рукавами, рубашке в крупную черно-желтую клетку. Темно-русые волнистые волосы водопадом рассыпались по плечам.

– Вот это да! А тебе идет, очень!

Уже успевший облачиться в темно-коричневый – чуть мешковатый – костюм, Леонид подхватил супружницу на руки, закружил. Маша весело засмеялась:

– Я в тех книжицах видела. Женщины и девы вот так вот одеты. И на улице – тоже.

– Ты ж моя красавица!

Они тут же, на кухне, и пообедали, усевшись за покрытый газетою стол. Поели с большим аппетитом, умяв две банки тушенки и по паре маринованных огурцов.

– Ум-м, вкусно! – вытирая губы висевшим на гвозде полотенцем, покивала княжна. – А с хозяевами мы расплатимся. Я им вот это колечко оставлю.

Девушка обвела интерьер глазами и неожиданно вздохнула:

– Видать, небогатые люди в избенке сей тесной живут. Ничо! На кольцо корову себе купят. Или бычка. Лишь бы боярин местный не обидел. Ну, да с боярином мы разберемся, ага?

– Угу, – машинально кивнув, Леонид подошел к репродуктору и прибавил звук. Концерт уже кончился, передавали новости. Диктор с волнением рассказывал о перевороте в Чили. О диктаторе Аугусто Пиночете, о свержении и смерти президента Альенде… Рассказывал так, словно бы все это произошло буквально на днях, только что, а не в далеком семидесят третьем году.

В семьдесят третьем…

— Сегодня, пятнадцатого сентября тысяча девятьсот семьдесят третьего года... — неожиданно услышал Арцыбашев. — Передаем сигналы точного времени. В Москве пятнадцать часов... в Ашхабаде — семнадцать... в Караганде — восемнадцать... В Петропавловске-Камчатском — полночь.

Тысяча девятьсот семьдесят третий!

Страшная догадка вдруг окутала сознание Леонида. Ну конечно — семьдесят третий! Отсюда, вернее оттуда все это ретро, антиквариат — автомобили, магазин «Райпо», вот эта дача. Та-ак...

Разузнать бы теперь поточнее. Хотя уж куда точней — радио. Но это может быть и прикол. Поговорить бы с кем, спросить бы... Черт, еще и милиции опасаться надо! Теперь уж точно — надо... коли время — не свое. Эх, жаль, в доме телевизора нет. А на улицу выходить опасно — милиция! Лучше уж здесь переждать, коли все так случилось.

— Любой, что с тобой? И объясни мне, наконец, кто здесь говорил-то?

— Конечно, объясню, милая. Только кто-то обещал ничему не удивляться.

Услышав рядом, на улице, чьи-то громкие голоса, Арцыбашев подскочил к окну, осторожно отдернул занавеску и увидел идущих за забором детей, двух мальчишек и девочку. Мальчишки — в смешных серых пиджачках, девочка — в коричневом, с черным передником, платьице. У всех троих в руках портфели, а на груди — алые пионерские галстуки! И разговоры — вполне соответствующие. Чуть приоткрыв форточку, молодой человек прислушался.

— А я ему — раз! А он мне... А я — как Герд Мюллер! Прямо в ворота.

— Врешь ты все, Вовка. Лишь бы на политинформацию не ходить. Это в такое-то время! Когда в Чили — фашисты!

— Зато я металломолма больше всех сдам! И макулатуры. Честное пионерское, вот увидите!

Дети скрылись из виду, голоса их затихли, и Леонид в задумчивости уселся на табуретку. Покусал губу, покрутил в руках вилку и тут же встал, взял супругу за руку. Первым порывом его было — уйти. Немедленно уйти, затеряться... Но вот куда уйти и зачем? Здесь, хотя бы на время, было вполне безопасно. Просто отдохнуть до утра, подумать.

— Пойдем-ка, приляжем, милая... — ласково поцеловав жену, улыбнулся Магнус. — Вижу ведь — устала.

— Да уж, немножко подремала бы, — Маша совсем по-домашнему потянулась. — А то вся эта беготня, суета... Хорошо хоть — с тобой, любый.

Маша улеглась на кушетке, вытянув босые ноги. Леонид, не раздеваясь, прилег рядом, накрыл жену покрывалом, погладил по волосам и, чмокнув в нос, ласково шепнул:

— Спи.

Синие очи княжны смигались, дыхание быстро стало ровным, едва заметным. И в самом деле — умаялась. С нежностью посмотрев на супругу, Арцыбашев задумчиво почесал затылок, прикидывая, что теперь делать. С одной стороны, тысяча девятьсот семьдесят третий год — это, конечно, хорошо. Не средневековые какое-нибудь, вполне современная цивилизация. Автомобили, кино, телевизоры. Персональных компьютеров, правда, нет, как и Интернета. Ну, да ничего, и без этой байды-лабуды прожить можно. Тем более, с такой-то красавицей супругой. Главное — легализоваться. Затеряться в каком-нибудь большом городе, в Москве или в Санкт-Петербурге... тьфу — в Ленинграде, конечно же, Санкт-Петербург в семьдесят третьем году еще Ленинградом назывался. Затеряться, документы выправить — да жить-поживать, добра наживать. Худо ли? Тем более — с Машей!

Вроде бы и неплохо, несмотря на все возможные в СССР препоны. В принципе — преодолимые, с таким-то богатством: перстнями, кольцами, шпагой. Шпагу, кстати, надо будет от «Явы» прибрать, принести... Перстни на рынке продать, да сваливать уже отсюда. С большими деньгами везде хорошо, даже в СССР эпохи Леонида Ильича Брежнева.

Так-то оно так, и Арцыбашев рассуждал сейчас вполне правильно, то есть ему казалось, что правильно. Но тем не менее все равно как-то не так. Какой-то неприятной казалась Магнусу-Леониду вся эта правильность, какой-то... немножко гнусной, что ли. И гнусности той имелись две причины. Первая – Маша. Привыкнет ли? Сможет ли? Это здесь, в деревне, вроде бы ничего – а в городе? Да и здоровье – у советских-то людей прививки от всяких болезней еще в детстве сделаны, а у Маши – нет. Да еще экология... Впрочем, княжна Старицкая – девушка на удивление неизбалованная, скорее наоборот. Иметь такого недруга, как сам Иван Грозный! По сравнению с этим тираном, конечно, вся советская милиция отдыхает вместе с КГБ! Просто осторожнее надо быть, внимательнее. Да и насчет здоровья – Маша все ж молодая еще. Организм крепкий, с любой болезнью справится. Так что по поводу юной супруги впадать в панику незачем.

Однако имелся еще второй вопрос – Ливония. Леонид-Магнус был все же ливонский король, на которого надеялись, которому верили, видя в нем защиту от поляков, шведов... и от Ивана Грозного. Зря, что ли, он, Магнус Первый, собирал королевство, людей, вел всякие дела с царем Иваном? И что теперь? Куда всех и куда все? Прахом пойдет? Жаль. Нехорошо это как-то. Нечестно. Вроде как бы пообещал людям, а потом кинул.

Рассуждая с самим собой, Арцыбашев вдруг пришел к не столь уж и неожиданному выводу, что в жизни очень важна цель. И цель не обывательская – побольше денег да барахла, чтоб соседи завидовали – а совершенно иная. Просто «жить, как все» Магнуса теперь не устраивало. Там, в Ливонии – ему верили, ждали. Там он – король! Там же, в шестнадцатом веке, родилась Маша. Что она будет делать здесь, веке в двадцатом? «Просто жить»? Получится ли у нее, выйдет ли? Она ж все-таки княжна, принцесса... королева уже! Облеченный немаленькой властью лицо. Да, да, именно так – властью! И эту власть надо вновь обрести и использовать во благо. Не в собственное, маленькое обывательски-личное и никчемное, по большому-то счету, благо, а во благо народное! Ибо монарх – не какой-нибудь там денежный мешок, а помазанник Божий! Тот, кто обязан...

Сии неожиданно пришедшие в голову мысли Леонид поначалу пытался прогнать. Да вот только они не прогонялись никак, а все лезли и лезли в голову, отвлекая, казалось бы, от главного – как вот здесь, в тысяча девятьсот семьдесят третьем году, акклиматизироваться, приспособиться, выжить...

– Что, уже выспалась, милая? – заметив на себе внимательный синий взгляд, с улыбкой поинтересовался Магнус.

– Выспалась, – княжна сбросила покрывало и, потянувшись, крепко прижалась к мужу. – Вижу, ты все в думах. О чем печалишься?

Молодой человек вздрогнул:

– С чего ты взяла, что печалюсь?

– Вижу, – Маша смотрела на супруга внимательно и дерзко, словно бы видела его насекомый. – Мыслишь, как дальше жить будем?

– Мыслю, – кивнул король.

Княжна неожиданно хмыкнула:

– А зачем? Мы ж с тобой, чай, не шильники и не бояре даже – князья! Ты – король, я – королева!

Ах, как она это сказала, как произнесла! Какой гордой синевою сверкнули глаза, какой царственной тут же стала осанка. Да уж, сразу видать – королева! Несмотря на старую рубаху и брюки-клеш.

– Мы жить должны во благо королевства нашего, – между тем продолжала княжна. – И думать по-другому не можем. Да и незачем. Ибо все и так ясно. Людишки подлые – купчишки да всякая чернь – живут для брюха своего, для мамоны. Святые отцы – для Господа. Бояре и люди воинские – для защиты царств своих. Тако и мы, о супруг мой, и должны, и будем.

Здесь немного пересидим, в Ливонию поедем, а уж там… А уж там посмотрим, дружить ли с Иваном дале, аль погодить. Он же, кровопивец, злое на нас умыслил. Думает, управы на него нет. Аи есть! Людей русских много есть недовольных. И новгородцы, что в живых остались, и псковичи, да все почти. Все те, кому в страхе жить опротивело, те, кто душою не раб! Таких мы у себя в Ливонии привечать будем. Нарву себе заберем, Ивангород… А потом, бог даст, и Псков. Войско из вольных-то людей, не из холопей – сильное, доблестное, еще посмотрим, кто кому вассал. Мы – Ивану, или Иван нам! Флот заведем, аглицких моряков к себе на службу приманим, а потом и своих. Науку переймем! Древний Новгород восстановим, а для торговли у нас место хорошее. Что же об Иване сказать? Так и у меня – а через меня у тебя – на трон державы российской ничуть не меньше прав! Чай, князья Старицкие – тоже Рюриковичи! Тото Иоанн род наш извел. Ничего… отольются ему все наши слезы и горести.

Княжна вскочила уже на кушетку, горделиво выставив правую ногу. Щеки ее зарумянились, глаза пылали истинно царственным огнем. Это был взор принцессы крови, чьи предки привыкли повелевать!

Арцыбашев потупился: все это – по поводу народного блага и защиты государства – именно он должен был произнести, а вовсе не Маша, хоть и княжна, и королева, но все же особа еще достаточно юная, в жизненных передрягах неопытная. Хотя как сказать…

– Ты не сомневайся, супруг мой, – княжна истолковала молчание мужа по-своему. – Я тебе во всем помогать буду. Не смотри, что млада, я ж не дура! Аристотеля читала, Платона, римлян языческих, древних. Еще Августина Блаженного и Святых отцов. Макиавелли почти наизусть знаю. Прочесть?

– Не, не надо, – замахал руками Леонид. – Значит, говоришь, в Ливонию надо пробираться?

– Туда. Куда же еще? Там теперь – наше все… И трон, и люди. Держава!

В этот момент в сенях, а точней на веранде что-то стукнуло. Слово бы кто-то, осторожно пробираясь, запнулся… или что-то уронил. Там много на лавке стояло всяких кастрюль да банок…

– Тсс! – встревоженно вскочив с кушетки, Арцыбашев приложил палец к губам и шепотом спросил: – Слышила?

– Что? – так же шепотом отозвалась Маша.

– Вроде как там ходит кто-то? – молодой человек кивнул на дверь и, нервно потеребив бородку, бросился к окну… и отпрянул!

С улицы, через стекло, на него смотрел бравый усатый молодец в мышного цвета форме с погонами младшего сержанта милиции.

– Товарищ старший лейтенант! – увидев удивленное лицо Арцыбашева, сержант приворно выхватил из кобуры пистолет и передернул затвор. – Стой! Стрелять буду.

– Стоять! – распахнув хилую дверь ударом ноги, в комнату ворвался старлей, и за ним старшина. Оба – в испачканных грязью сапогах, в форме.

– А ну – руки в гору! Руки вверх, я сказал! Теперь повернулись… Старшина!

На запястьях обоих беглецов защелкнулись наручники.

– Куда их, товарищ старший лейтенант? В мотоцикл? – вбежал с улицы младший сержант.

Старлей задумчиво скривился и поправил на голове фуражку:

– Там, на углу, автомат. Вызывай машину. А мы тут пока поговорим… Опросим… Может, и по горячим следам все раскроем. А, старшина?

– Конечно, раскроем, товарищ старший лейтенант! – старшина выпятил узкую, затянутую кителем, грудь и неожиданно ухмыльнулся. – А не будут говорить, Игорь, так их… сам знаешь, как можно.

– Да заговорят, – махнул рукой офицер. – Куда они на хрен денутся-то? Оп-па!

Заглянув в шкаф, милиционер вытащил оттуда испанский камзол Магнуса и глянул на задержанных с каким-то недобрыйм прищуром:

– Федотыч, не этих ли на краденой «Яве» видели? Один «артист», вторая – с коленками голыми, в сарафане. Кстати, вот и сарафанчик!

– Думаю, они и есть, товарищ старший лейтенант, – подчеркнуто официально согласился старшина. – Этак и убийство Корытина раскроем, чем черт не шутит? Кстати, они и напротив раймата драку затеяли. Вот ведь парочка-то, а!

– Ну, что ж, тогда сами и первый опрос проведем.

Потерев руки, старлей положил на стол полевую сумку и, достав из нее бланки и ручку, спросил, в каких отношениях «молодые люди» находились с гражданином Корыгиным М.С.

– Да ни в каких отношениях, – повел плечом Леонид. – Первый раз эту фамилию слышим. Милиционер покивал:

– Первый раз, значит? А корыгинская «Ява» у вас оттуда? Что-что? Я почему-то так и подумал, что нашли. Итак… Фамилия, имя, отчество! Я вас спрашиваю, девушка!

– Да кто ты такой, смерд поганый, чтобы меня, цареву племянницу, спрашивать?! – Маша вскинулась разъяренною коброй. И в самом деле, предпринимать подобные действия против принцессы крови каким-то там простолюдинам было бы весьма предосудительно. Не по понятиям шестнадцатого века, сказать прямо!

– Руки мне ослобони, живо! Я кому сказала, пес??!

Вскочив с кушетки со связанными за спину руками, Маша попыталась боднуть сотрудника правоохранительных органов головой, а когда не достала – ударила ногой под коленку.

– Ах ты, зар-раза! – выронив ручку, заверещал старлей. – Старшина, что смотришь? Помогай, давай! Не видишь – рецидивистка?!

Совместными усилиями княжну наконец водворили на место, после чего старший лейтенант, чуток отдышившись, снова приступил к допросу… вернее, к опросу – именно так квалифицировал происходившее действие уголовный кодекс РСФСР образца одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года.

– Фамилия! Имя! Отчество! – рявкнул милиционер. – Будешь запираться – живо в КПЗ отправлю!

– Старицкая, Мария Владимировна, – княжна горделиво приосанилась. – Великого князя Владимира Андреевича Старицкого дочь! Из рода самого Рюрика, напомню.

– Шиза, что ли? – переглянулись сотрудники органов. – Или издевается?

И, дружно кивнув, решили, что – «издевается».

– Ах ты ж, тля!

Выругались, но тронуть не тронули, побоялись. И впрямь ведь – кто вообще знает, кто эта наглая девка такая и откуда взялась?

Оставив на время Машу, дознаватели принялись за ее царственного супруга:

– А ты, значит, у нас тоже князь?

– Нет, не князь…

– Вот это уже разговор!

– Просто король Ливонии.

Дальше у Леонида спросить ничего не успели. За окнами послышался шум подъехавшего автомобиля, и вбежавший в дом усатый младший сержант радостно сообщил:

– Опергруппа с «Явы» отпечатки снимает… И это… Следователь сказал, что вы задержанных туда привезли.

– Майор юстиции Рашиков, Иван Кузьмич, – так представился следователь, лысоватый мужичонка в синем вельветовом пиджаке и при галстуке. Краснобокую «Яву» все так же прикрывали ветки, Рашиков же с удивлением вертел в руках шпагу. Знатная была шпага – бое-

вая, тяжелая, с украшенной золотом и драгоценными камнями рукоятью и переливающейся на солнце гардой.

– Ваша? – следователь обернулся к подозреваемым.

Арцыбашев пожал плечами:

– Ну, моя.

– Откуда?

– Оттуда!

Майор хмыкнул и, поиграв желваками, приказал беспрестанно щелкавшему фотоаппаратом молодому парню – технику-криминалисту – быстренько снять отпечатки пальцев «у этих двух граждан».

Наручники с задержанных сняли, и Леонид с удовольствием размял затекшие запястья.

– Мотоцикл тоже ваш? – недобро прищурился Раширов. – Где взяли?

– Да нашли в каком-то сарае. Решили вот прокатиться.

– В каком сарае? Где? При каких обстоятельствах? – следователь атаковал вопросами сразу, не давая подозреваемым времени на раздумье.

По светло-голубому высокому небу, не торопясь, плыли белые кучерявые облака, тающие на горизонте. Где-то там, не так уж и далеко, белела на пологом холме церковь. Та самая…

Арцыбашев прищурился, глянув на кривоватую березку, росшую невдалеке от желтого милицейского «Урала». Что ж, раз уж тут все так неудачно сложилось… раз уж всем – и Маше, и ему самому – надо возвращаться в Ливонию, то… Почему бы и нет? День ведь еще не закончился, и портал в церкви должен быть открыт. Даже если и закрыт, попыткой побега они с Машей свое положение вряд ли ухудшат, и без того слишком много «вешают». Угон мотоцикла (хорошо, если не кражу), пьяную драку, незаконное проникновение в жилище и, конечно, пропажу человека… то ли похищение, то ли убийство. Попробуй отмажься теперь! Тем более, без документов… да и вообще… Что следователю-то сказать? Где жил, чем занимался? Даже ему, Леониду, не выкрутиться, а уж о княжне и говорить нечего.

Арцыбашев внимательно осмотрелся – он давно уже приметил оставленный беспечным сержантом ключ, торчавший в замке зажигания желтого милицейского «Урала».

– Сейчас сбежим, – подойдя к супруге, шепнул король. – Как только я заведу вон тот желтый мотоцикл… коня железного… сразу прыгай в коляску. Поняла?

Княжна молча кивнула.

– Давай их в машину, сержант, – махнул рукой следователь. – Все равно сейчас толку не добьешься.

– Руки за спину! – поправив на голове фуражку, строго приказал сержант.

Арцыбашев тут же ударил его кулаком в скулу – изящно и быстро, с разворота! Маша тотчас же отоварила случившегося proximity криминалиста – пнула ногой в пах с такой силой, что бедняга закричал от боли. Оба тут же бросились к «Уралу»…

Княжна прыгнула в коляску, зарокотал двигатель, и мотоцикл, треща кустами, покатил к шоссе.

Все произошло быстро, буквально в секунды, так что никто из милицейских не успел ничего предпринять, да и не ожидал даже подобной наглости! Угнать служебный мотоцикл – это уж совсем на голову отмороженные. Главное – зачем? Далеко не уйти – не понимают, что ли?

Впрочем, беглецам далеко и не надо было. Вырулив на шоссе, Леонид погнал «Урал» со всей возможной для этого типа мотоциклов скоростью. Позади уже нарисовался желто-синий «газик», и Арцыбашев не сомневался, что очень скоро на дороге появится и автомобиль ГАИ… а то и несколько.

Уже на подъезде к Хилову именно так и случилось – выскочившая на перехват гаишная «Волга» подрезала мотоцикл так, что беглецы едва не свалились в кювет. Леонид все же выру-

лил и погнал дальше – за ним, на радость местным зевакам, с воем неслась белая с широкой голубой полосой и мигалками «Волга», а уж за ней поспешал и «газик», метко прозванный в народе «луноходом».

На крыльце у почты троє потасканных мужиков пили разбавленное водкою пиво.

– Банду берут, – со знанием дела промолвил один из них. – Сберкассу вчера ограбили.

– Не, не сберкассу, – возразил другой собутыльник, провожая ревущую кавалькаду ленивым взглядом. – Магазин «Райпо» грабанули. И не вчера – а сегодня утром.

С треском промчавшись мимо почты, Арцыбашев притормозил и повернулся к церкви... к бывшей церкви, а ныне – клубу. Или колхозному складу. Нет, судя по афишам кинофильма «Фантомас», все-таки клуб.

С ходу разметав афиши, мотоцикл, словно норовистый конь, взобрался вверх по лестнице к притвору и замер. Соскочив с седла, Леонид протянул руку Маше:

– Бежим, Марьюшка! Скорей!

– Ох, Господи упаси!

Она даже не успела перекреститься, как супруг затащил ее в храм... в фойе, затянутое зеленоватым мерцанием. Позади, в дверях, возникли вдруг две фигуры с пистолетами и в фуражках.

Возникли, зашатались... И вдруг пропали. Изумрудно-зеленое свечение тоже вдруг исчезло – резко, словно и не было.

С минуту прислушиваясь, Арцыбашев обнял супругу:

– Ну, Машенька! Кажись, ушли.

Хлопнув густыми ресницами, юная княжна с облегчением перекрестилась:

– Слава тебе, Господи! Богородице-деве слава!

– Аминь!

Тоже перекрестившись, Леонид обнял жену и крепко поцеловал в губы... целовал долго-долго, не отпускал, пока где-то за спиной, совсем рядом, вдруг не послышался крик:

– Ага, вот они где, голубчики! Милуются, глянь. Эй, стрельцы-молодцы! А ну-ка, взять их!

Глава 2

Узники

Осень 1573 г. Великий Новгород

Что-то капнуло. Откуда-то сверху – с низкого потолка, с притолочины, не суть – упала прямо на лоб Леониду крупная тяжелая капля. Молодой человек покривился и, распахнув глаза, поднялся с узкой деревянной лавки да, лязгая стягивавшими руки цепями, подошел к малюсенькому – под самым потолком – оконцу, забранному частой решеткою. Встал, опустил руки, прислушался.

Кругом стояла мертвая тишина, как и положено ночью. Лишь слышно было, как перекликались караульные стрельцы на башнях, протяжно этак, с вальяжностью, будто показывая – мы, служилые люди московские, нынче на Новгородской земле все можем!

– Росто-о-в!
– Каза-а-ань!
– Астраха-ань!

Узник повел плечом – все же холодновато было в подвале, промозгло, особенно вот – по ночам. Да и днём солнышко осеннее не очень-то пригревало. Хотя днем, конечно же, веселее: дьячки приказные, судейские, монахи-схимники, стрельцы да и простой люд, туда-сюда по двору шатаются, меж собой переговариваются – интересно! Кто за жизнь треплется, кто ругается, а кто и – с опаскою – о ливонском мятежном государе слово-другое молвит. И не всегда слово то – мерзкое. Большинство осуждает, конечно – как же, против самого государя Иоанна Васильевича, стервец, пошел! Однако иные и сочувствуют, и таких здесь, в Новгороде, много. Особенно – после недавнего погрома, что учинил царь Иван! Выдумав неведомую крамолу, разграбил собственный город, убил людей... Зачем, спрашивается? Вольности старые искоренил? Да кому тут их помнить-то – дворянам московским, потомкам тех служилых людей, сто лет назад дедом нынешнего государя, Иваном Васильевичем Третьим, на новгородские земли испомещенных? Все старые-то фамилии – боярские, посадничьи, купеческие – выселены либо казнены были. Вполне лоялен был Новгород к концу шестнадцатого века – вполне себе тихий московский городок, без всякой приставки «Великий». И вот – на тебе! Погром! Да такой, что кровушка алая людская – рекою. Младенцев в проруби кидали – уж они-то Ивану Васильевичу самые первые враги! Что ж, наверное, с точки зрения государя московского, все справедливо, все правильно. Пусть и не было крамол, так ведь могла ж быть! И что, кое-кто из мужиков новгородских о былом величии державы своей не вспоминал, пусть и в разговорах пустопорожних? Ой, лукавили новгородцы, лукавили... Так вот вам! Получай! И правильно – бей своих, чтоб чужие боялись. Татары крымские Москву да иные города русские жгли, а царь Иван – Новгород. Пусть и свой город, да хоть что-нибудь – да сжечь, раз уж в Ливонии теперь мало что получалось.

Вспомнив о родном королевстве – кстати, царем Иваном и пожалованном на вассальных правах, – Арцыбашев вздохнул и прикинул, что тут, в кремле-детинце, расположено. На предмет коли вдруг удастся наружу выбраться, так куда бежать?

Софийская сторона, где кремль, во время погрома местами выгорела, однако кремль уцелел, как и несколько старинных улиц: Варяжская, Яблоневая, Козьмодемьянская. На Торговой стороне дела обстояли получше: и церковь Иоанна на Опоках белела, как прежде, и на Торговой площади все так же возвышался ступенькою одноглавый храм Святого Георгия, рядом с ним – стройная, словно березка, церковь Успения Пресвятой Богородицы, напротив – краснокирпичная Параскевы Пятницы, и, конечно, осанистый, плечистый Никольский собор. Ну,

это на Торговой... А здесь, в кремле, что? Разбойного приказа палаты – в подвале как раз Магнус-Леонид и сидел, напротив – древний Софийский собор, за ним, чуть правее, Проезжая (Пробойная) башня к мосту через Волхов.

Да, если бежать, так на Торговую сторону, она от пожаров меньше пострадала, особенно та ее часть, что за Федоровским ручьем – бывший Плотницкий конец. Щитная улица, Запольская, Загородцкая... Яблоневые сады, заросшие пустоши – есть, где укрыться, спрятаться. Ненадолго, правда, да хоть денек пересидеть, дольше вряд ли выйдет – стрельцов на прочес пустят, найдут.

Жаль, никаких хороших знакомых в Новгороде нет. И непонятно, куда Машу увезли. Маша, Марьушка...

Нахмурясь, молодой человек помотал головой, словно отгоняя нехорошие недобрые мысли. Что уж тут говорить – юной его женушке, урожденной княжне Старицкой, корячилась статья серьезная – колдовство! Да не просто колдовство, а супротив государя направленное! Костер... да, пожалуй. Если сам царь не помилует – а такое тоже случиться может.

С другой стороны, на царские милости надеяться – людей смешить. Слишком уж влиятельные люди против «короля» да его супруги копают – братья Щелкаловы, Андрей да Василий Яковлевичи. Андрей – типа канцлер, глава правительства, можно так сказать, а брат его младший, Василий – Разбойного приказа старший дьяк. Все «пыточные» дела под ним. И чем, спрашивается, Магнус Ливонский этим людям не угодил?

Да тем и не угодил! Тем, что не очень-то Ивана Васильевича слушается да в Ливонии свою политику ведет! «Мужиков простых» вольностями «прельщает». Ну, да так и есть – крепостничество в подвластных землях Леонид первым делом отменил, как только до престола добрался. И дворянские вольности ограничил. За счет всего этого получил огромную поддержку так называемого «простого народа» и купцов – а это деньги, и немалые. Еще ввел правило «Чья земля, того и вера», объявив равноправие христианских церквей – православной, католической и лютеранской, что тоже у московского царя умиления, мягко говоря, не вызывало. Так что было, что предъявить, было. И хорошо бы сейчас подумать о том, как от предъяв тех отмазаться на суде... Если, правда, этот самый суд вообще будет. Что вовсе не факт! Иван Грозный со своими противниками – истинными и мнимыми – поступал просто, ненужными формальностями не заморачиваясь. Кинут в клетку с голодным медведем или в кotle живьем сварят. Еще могут на кол посадить – мало ли, что государю взбредет в голову?

Нет, нет! Вздрогнув, узник звякнул цепями. Все ж таки должен быть суд, должен, пусть даже неправый... неправедный. Ведь он, Магнус, все же не простой человек, а правитель Ливонский! Младший брат короля Дании! Хм... самозванец, конечно, но ведь кто здесь про его самозванство знает? Не-ет, не должны без суда казнить... может быть, и не казнят вовсе – Дания, пожалуй, единственная союзница России в Ливонской войне. Нет, не казнит Иоанн! Не посмеет...

Его-то, Магнуса – не посмеет. А Машу? Опальную княжну Марью Владимировну Старицкую, особу, в жилах которой течет царственная кровь Рюриковичей?! Ах, Маша, Маша... Надо что-то делать, что-то придумать, что-то такое... этакое. Обещать царю все, что угодно, на колени пасть! Лишь бы Маша... Лишь бы Машу...

Ах, что же не идет никто? Что же не ведут на допросы? Просто схватили там, в Хилове, сбили с мотоцикла, привезли в Новгород, да сюда вот, в узилище, бросили. И маринуют. Короят, правда, не худо – каждый день каша ячневая, ягодный кисель, пироги. Спасибо и на том, не сказать, что на сухариках да воде держат.

Но что же дьяк-то не заглядывает? Вину не предъявляет? Велел бы к себе доставить, для беседы, вот там бы Магнус и сказал... заявил бы что-нибудь этакое. Однако ничего не происходило вот уже дня три... да, три дня – завтра четвертый! Не допрашивали, просто мариновали, выдерживали. Приносившие еду дюжие парни-тюремщики ни на какие разговоры не

шли, видать, во исполненье приказанного. Вот и томился узник. Главное, о Маше-то ничего не узнал! Где-то она теперь? Здесь же, в Новгороде? Или уже в Москве? В Москве... Вообще-то и его, Магнуса, по идеи, в Москву должны были перевезти. Ну да! Вот и ждут оказии. Привезут в столицу – а там уж и всякие разговоры-допросы будут. И тогда...

Откуда-то слева, сбоку, вдруг послышался какой-то скрип или лязг. Крысы? Молодой человек прищурился – плоховато было видно, заглядывающую в маленько оконце луну вряд ли можно было считать фонарем или лампочкой. Даже на свечку или лучину и то не тянула. Так, общие контуры обозначала, не освещая почти ничего.

– Черт! – кто-то споткнулся о не забранную тюремщиками миску, Арцыбашев оставил ее на полу, у двери.

Миска откатилась куда-то в сторону, и Леонид, громыхнув цепью, сжал кулаки насколько возможно, приготовясь к защите.

– Кто здесь? Предупреждаю – я сейчас же позову стражей!

– Здрав будь, вашество, – тотчас послышался громкий шепот. – Не зови никого, господине. Я просто поприветствовать зашел. Да и так – словцом перекинуться, скучно ведь.

Невидимый в полутьме незнакомец – судя по голосу, вовсе не старый еще мужчина – говорил с хрипотцой и с явным староновгородским выговором, цокал: «перекинуцца», «скуцно». Кто бы это мог быть-то? И... как он вообще сюда попал?

– Думаете, как я здесь оказался? Так тут, в стенке-то, дверца. Незаметная, никто про нее и не знает... а я вот – узнал. В соседнюю темницу ведет, я там казни дожидаюсь второй месяц уже... муторно!

– Понимаю, – осторожно согласился Магнус. – Да кто ж вы такой?

– Михутря я, разбойник, – ночной визитер бросил слова с неожиданным вызовом, гордо – словно выстрелил. – Может, господине, слыхал?

– Не слыхал, – с усмешкой отрезал узник. – Откуда мне, королю, про вас, разбойников, знать?

– Король... – со свистом протянул Михутря. – Значит, не врали... Ваше величество, ежели вам мое общество надоело, так только скажите! Я сразу же и уйду, и больше никогда не пожалую.

– Оставайтесь, – Леонид кивнул с истинно королевской милостью. – Могу даже предложить сесть... вот, хоть на край ложа.

– Ничего, ничего... мы и так, у стены, на корточках.

– Ну, – с любопытством хмыкнул король, – и чем же вы так знамениты?

– С дальних пятин мы, ваше величество, с Нагорного Обонежья, где тракты Архангельский да Вологодский проходят. Там, на Архангельском, и паслися. К купцам – со всем нашим уважением, плати да проезжай. Ну, а кто платить отказывался – с тем разговор короток.

– И большая у вас была шайка?

– Почти триста сабель – банда, – с гордостью ответствовал разбойник. – Я – капитан, плюс два помощника-лейтенанта...

Банда! От этого слов за версту веяло некой европейскостью. Дас банд, по-южнонемецки бант, лента – так именовали отряды наемников-ландскнехтов, профессиональных солдат, нанимавшихся к тому, кто больше платит, и в течение шестнадцатого века почти заменивших собой и дворян и городские ополчения. Ныне, правда, само слово «ландскнехт» понемногу выходило из моды, все чаще говорили – «имперская пехота»... что сути особенно не меняло. Кстати, именно лентами определенного цвета метили себя наемники, чтобы в бою отличать своих – выглядели-то все одинаково.

– Капитан? – король удивленно вскинул брови и перешел на немецкий язык, вернее, на тот его диалект, что был в ходу в Ливонии. – Вы говорите по-немецки?

– Да, ваше величество, – тут же подтвердил Михутря. – А также еще немного знаю фландрский, голландский, английский… Родился я здесь, на Новгородчине, на Архангельском тракте. В голодный год хозяин мой, своеzemец Онуфрий, продал меня англичанам, купцам… Три года был юнгой на английском торговом судне, принадлежавшем некоему Джерому Лидси из Плимута. Три года побоев, унижений и той гнусной мерзости, о которой в любом обществе всегда предпочитают молчать. Надоело – ужас, и как-то в Антверпене я сбежал, убив шкипера и капитана. Шатался в порту, воровал, даже попался испанцам… Бежал, познакомился с хорошими парнями, стал гезом… это такие люди, что…

– Я знаю, кто такие гезы, – хмыкнул король. – Продолжайте, продолжайте, рассказывайте! Так вы что же, были знакомы с принцем Вильгельмом Оранским?

– С Молчаливым? Увы, нет. Но испанцам мы задавали жару… Я был помощником-лейтенантом у знаменитого капитана Макса Уtrechtского. Нас всех там прозвывали уtrechtцами. Отсюда и мое нынешнее прозвище – Михутря. Михаэль из Уtrechtа… из уtrechtской банды – так будет точнее. Михаил – так меня крестили, в честь Михаила Архангела. Ну, а как я вновь оказался на родине, история длинная. Однако уже светает. Если изволите, ваше величество, я расскажу ее завтра… если позволите прийти.

– Заходите, Михаил, – милостиво разрешил король. – Мы ж соседи все-таки. Кстати, вы не пытались отсюда бежать?

Визитер остановился у двери:

– Бежать? Я бы и сам хотел просить это у вашего величества… Но пока не осмелился.

– А что, есть такая возможность? – живо осведомился Магнус. – В случае успеха обещаю вам свое покровительство и защиту, уtrechtский Михаэль!

– О, ваше величество…

– Еще один вопрос. Вы ничего не слышали о моей супруге, княжне Марии Старицкой?

– Ее держат в Ефимьевском монастыре, – чуть помолчав, приглушенно ответил разбойник. – В том, что на Запольской улице. Ваше величество, это все, что я знаю.

Король Ливонии и разбойничий «капитан» встречались еще несколько раз, все так же, ночью. О тайной дверце между темницами Михаил-Михутря узнал через каких-то своих знакомых, о которых не рассказал даже высокопоставленному собеседнику. Впрочем, здесь, в узилище, все были примерно равны. Никто не знал своей участи, лишь догадывался, и догадки эти обычно не отличались предвкушением счастья и веселой беззаботной жизни.

О том, что в соседней «камере» томится ливонский государь, капитан узнал от тюремщиков, коим общаться с разбойниками никто не запрещал. Они и общались – передавали на волю вести, доставляли яства, вино, а иногда и приводили гуляющих девок. С последними как раз и пришлось столкнуться Арцыбашеву в одну из ночей.

Как обычно, «ландскнехт» Михаил явился почти сразу после заката. Без стука, дабы не насторожить тюремную стражу. Лишь едва слышный скрип петель, лязганье да приглушенный шепот:

– Ваше величество, прошу вас за мной.

Зачем атаману разбойничьей шайки король, догадаться было несложно. Михаил из Уtrechtа, несомненно, отличался амбициозностью планов и вовсе не намеревался провести остаток дней в лесах или где-нибудь в Сибири – богатства и возможности европейских стран манили его куда больше. Поступить на службу к ливонскому королю – это было бы круто! Стать бароном, рыцарем… да на худой конец просто «капитаном ливонской стражи». Иметь хороший дом, семью, выезд с лакеями… Возможно, мечты разбойного вожака простирались и куда дальше сей обывательщины, король о том не знал – ему пока что хватало и этих своих предположений. Зачем атаману король, пожалуй, было ясно. А вот зачем королю – разбойник?

Спасти, как можно быстрее вытащить Машу, вот зачем! Сначала – лихой рейд в монастырь, а уж потом... Там видно будет! Этот не слишком-то продуманный и несколько скорспелый план оправдывало лишь сложившее у царственного узника ощущение полной безнадеги, точнее – желание ее хоть как-то порвать.

Вот и рвал. Со всех ног!

На праздник, путь и небольшой, но все же праздник, томившиеся в приказных подвалах сидельцы, многие из которых – люди весьма небедные, проплатили тюремным своим стражам новую порцию гуляющих девок числом аж в дюжину – гулять, так гулять. Тем более праздник-то был не один, а два – день преподобной Евфросиньи и Преставление преподобного Сергия, Радонежского чудотворца. В этот день, по святым книгам, начиналось установление зимы: тянулись к югу последние стаи перелетных птиц, начинались утренние заморозки – лужи покрывались первым тонким и хрустким ледком. Обычно на Сергия квасили капусту.

Приказное начальство в этот день оставило службу пораньше, с обеда – праздник же! Так что сидельцам никто не мешал гулять. Естественно, только тем, у кого имелись платежеспособные родичи и кого не нужно было «охранять со всем нарочитым старанием».

«Со всем нарочитым старанием» предписывалось охранять «королевича», что стражи и делали, сперва – со всем тщанием, а в последнее время – спустя рукава. Что и говорить, повезло, царственный узник оказался человеком смиренным, богобоязненным. Не бузил, криками зряшными горло не рвал, не ругался. Сидел себе тихохонько да что-то шептал про себя – видно, молился. Да и темница у него – изо всех темниц – первая! Стены толстые, дверь – пушкой не прошибешь, а в оконце разве что кошка пролезет. Хотя нет, не пролезет – решетка. Крепкая, кованая, на века сделанная – надежно.

– Ваше величество, – стоя у распахнутой двери, поторопил разбойничий капитан.

– Да-да...

Махнув рукой, узник одернул пиджак и, перекрестясь, пошел вслед за своим освободителем.

– Ваше величество, дверь низка – пригнитесь.

Важное предупреждение. Главное – вовремя. Арцыбашев уже успел садануться лбом о стену, а теперь уж и пригнулся – куда денешься?

В соседней «камере», где квартировал Михутря, оказалось еще темнее – хоть глаз коли, совсем ничего не видно. Впрочем, и с ночью нынче повезло – дождило. Верно, потому и не видно.

– Вот здесь вот прямо – одежда, ваше величество, – шепнул капитан. – Переодевайтесь. И желательно быстрее. Стражники не будут ждать.

– Подкупили?

– Нет... Немножко по-другому устроили.

Ну да, конечно – кто ж рискнет выпустить «короля»?! Особу, брошенную в узилище по приказу самого государя! Или это не государь, а Щелкаловы? Хотя какая в принципе разница?

Наклоняясь и вытянув руки, Арцыбашев нашупал одежду. Какая-то плотная ткань, пуговицы... и что-то похожее на платок... Хламиды какие-то! Штанов, кстати, похоже, вовсе не было!

– Это женская одежда, – переодеваясь, шепотом пояснил атаман. – Придется уж ею воспользоваться. Грехи потом отмолим.

– Тоже мне, грех! – накинув поверх коричневых кримпленовых брюк (от той пиджачной пары, что нашлась на чьей-то даче) просторную женскую рубаху и юбку, молодой человек, как сумел, повязал платок и вслед за своим спасителем поспешил на видневшийся в распахнутую дверь дрожащий свет тускло горевшего факела.

Желтые языки пламени, чадя, выписывали на стенах черные гротескные тени, похожие на уродливый хоровод.

– Скорей, скорей, – позякивая ключами, торопил стрелец в зеленом кафтане с заштопанным подолом. – Пошевеливайтесь.

– Погодь, Миколай! – крикнули из соседней камеры, судя по смеху и женскому визгу, населенной весьма и весьма густо. – До утра ж договаривались… Проплатили…

– Так скоро ж и утро, – повел могучим плечом стражник. – Проплатили они… Давай ужо, поторапливайся.

– Посейчас… остатний у нас, в очереди.

– Очередь у них, ишь… Говорю ж, живее!

– Сейчас, сейчас!

Под глумливый смех в сводчатый коридор выпорхнули из темницы гулящие девки. Загомонили, замахали руками так, что едва не затушили факел.

– Да спокойней, спокойней, – прикрикнул на девок стрелец и, не дожидаясь, покуда его собрат закроет камеру на засов, махнул рукою: – Выходьте ужо… Одна, две… Стойте-ка! Вроде дюжина была…

– Потом еще две явились, Ядва да Колема, – нагло заявила одна из гуляющих. – Их Кондратий привел.

– Ах, Кондратий, – поправив висевшую на поясе саблю, хрюплю хохотнул страж. – А все святого из себя строит… Видать, и ему деньга нужна!

– Деньга всем нужна! – хохотнула девка. – Ай, Кузема, дай поцалую, а!

– Ну, цалуй, – нагнувшись, стрелец охотно подставил щеку.

Чмокнув стражника, гулящая повисла у него на шее, что-то зашептала на ухо…

– Добро, добро… – стрелец щурился, словно мартовский кот. – Ужо загляну к вашей бабке, Графена. Договорились! Яшку с собой возьму.

– Да хоть кота приказного! Только не Кондратия, больно уж он скучный. Все причитает да молится, не стрелец прям, а пономарь.

Так вот, со смехом и прибаутками, гулящие покинули подвал и, выбравшись на улицу, шмыгнули кусточками к круглой Пробойной башне, где, чуть приоткрыв ворота, их уже дожидался очередной подкупленный страж.

– Ну, как погуляли, девки?

– Тебя б так… Только в другое место!

– Да ну вас, корвищи. В следующий раз не пущу, – обиделся стражник.

– Ла-адно, не бери в душу. На-ко вот лучше деньгу. Поверх уплоченного.

– А вот это правильно, – закрывая ворота, караульный довольно рассмеялся. – Денежки – они всем нужны. Серебришко и на том свете серебришко.

«Ну, про тот свет он явно загнул», – шагая, усомнился Магнус. Хотя да – волшебная сила денег раскрылась нынче перед ним во всей своей красе. А что? Люди ведь не меняются. Кто-то на ваучерах нажился, на ГКО, а кто-то – не так давно – на «импортозамещении». Да и война любая… она кому война, а кому мать родна. Опять же все в деньги упирается. Так что не так уж и не прав стражник.

Светало. С серого неба моросил мелкий и нудный дождь. Под ногами чавкала грязь, налившаяся на деревянные плиты широкой мощеной улицы, сильно пострадавшей от устроенного опричниками пожара. Насколько представлял себе сейчас Арцыбашев, улица эта называлась Великой и тянулась параллельно городской стене и Волхову куда-то на север.

Вокруг виднелись дощатые и бревенчатые заборы, поставленные, как видно, недавно взамен сгоревших и разрушенных. Кое-где виднелись строящиеся хоромы и избы. Впрочем,

заброшенных пустошей было в разы больше – славные времена древней республики давно миновали, а нового расцвета не намечалось, скорей уж наоборот.

Беглецы – король и воровской «капитан» – поспешили последними, время от времени перебрасываясь короткими фразами. Жемчужно-серый рассвет шевелился над Волховом, предвестник такого же серого осеннего дня. Великая улица быстро заполнялась народом: рыбаки с веслами на плечах, приехавшие затемно крестьяне, артельщики с носилками и лопатами, грузчики, подмастерья, монахи. Мелкие торговцы везли к мосту на Торговую площадь свои тележки. С зеленью, с пирожками, с яблоками, редиской, репою и всякой прочей снедью.

– Угостить вас пирогами? – к беглецам внезапно обернулась та самая наглая девка – Графена… или Аграфена, как подчеркнуто уважительно обозвал ее Михаил-Михутря.

На вид – лет шестнадцати, тощенькая, но бойкая. Темно-рыжая, с редкими веснушками, вздернутым носом и очаровательными серыми глазами. Симпатичненькая такая, проворная, верно, во всем.

– Пирогами? Ну, Аграфена, угости, – кивнув, Михутря поплотнее подвязал платок, оглядываясь на проскакавших мимо всадников в стеганых воинских кафтанах-тегилях. – Ваше… Вам с чем пирог?

– Да любой, – махнул рукой Арцыбашев.

– Тогда два… нет, три с белорыбицей и грибами, – подойдя к торговке, Графена вытащила из привязанного к поясу кошеля медную мелочь. – Вот тебе пурло московское… еще полпула…

С аппетитом захрустев пропеченной корочкою, Леонид поднял глаза, глянул в жемчужно-серое, с проскальзывающей кое-где голубизною небо, пронзенное первым рассветным солнцем, и подумал, что жизнь – хороша.

Пока ели пироги да запивали потом купленным у разносчика-мальчишки сбитнем, гуляющие девки куда-то делись. Все, кроме Аграфены.

– Ее придется с собой взять, – тихо пояснил Михутря. – Она в избе на Холопьей главная, ответчица за всех. Останется в городе – рано или поздно схватят, пытать начнут.

– С собой так с собой, – Магнус покладисто кивнул и, щурясь, спросил по-немецки: – Так, где ваши люди, герр капитан?

– Одну из них вы видите, – разбойник кивнул на Графену и неожиданно хмыкнул.

Рассмеялся и Леонид – забавное было зрелище. Стоят себе три девки, едят пироги… Две из них – с бородами. Кончины, блин… Говорят о чем-то серьезном. Мужскими хриплыми голосами, да еще – по-немецки!

Как уже догадался Арцыбашев, на Холопьей улицей – вон она, рядом совсем! – располагался местный публичный дом, откуда и вызваны были гуляющие девки, по-местному – «бляжьи жонки». Когда беглецов начнут искать, так первым делом – там. Оттуда все ниточки… не потянутся никуда! Графена, рыжая бесстыжая девка, нынче пойдет с беглецами, вот и обогрется ниточка. Ежели раньше не схватят, не хватятся. А ведь, между прочим, утро уже. Эх, побыстрей бы!

– Теперь – быстро, – огляделась по сторонам, махнул рукой Михутря, смотревшийся в женском обличье весьма забавно – слишком уж высок, слишком уж широки плечи, да и платком замотан так, что одни глаза и видно – бороду-то скрыть надо! Не жонка новгородская, а какая-то «Гюльчатай, открой лицо!».

На втором, после Холопьей, перекрестке, беглецы свернули направо, на улицу Яковleva, и уже по ней спустились к Проезжей башне. Страж в длинном зеленом кафтане и татарской, с загнутыми полями, шапке, коясь на столпившихся рыбаков, неторопливо открывал ворота. Собравшиеся, нетерпеливо переминаясь с ноги на ноги, подгоняли. Судя по шуткам и незлобивой ругани, воротник им был хорошо знаком.

– Давай, давай, отворяй-ко скорее, Игнате, рак тебе в глаз! Инда рыба вся уйдет, покуда ты тут супонисси!

– Никуда ваша рыба не денется, – лениво зевнув, страж, наконец отворил тяжелые створки… Сквозь которые засверкал серебром древний седой Волхов, и ворвавшийся с реки ветер едва не скинул со стражника шапку.

– Эх, и студено, – поежился тот. – Инда, парни, ловись, рыбка, большая и маленькая.

– Лучше большая, Игнате, рак тебе в глаз!

– От большой тоже не откажусь, – страж расхохотался, затряс бородой. – Не откажусь и от раков. Отрока-то к обеду с ведерком пришлите.

– Могем и отварить, Игнате.

– Да уж дома баба моя отварит.

Так вот, с шутками, вполне добродушно, рыбаки – а за ними и беглецы – спустились к реке да принялись деловито отвязывать лодки, что покачивались на воде у небольшой деревянной пристани – Яковлевского вымola.

– Эй, робяты, – оглянувшись, Графена живенько подошла к двум молодым парням, что уже садились в небольшой челнок с заброшенной в него сетью. – За полпула на тот берег не довезете ль?

Рыбаки презрительно скрипились:

– Да бог с тобой, девка. Мост-то – вона! Иди.

– Ну, как знаете, – сверкнув жемчужно-серым взглядом, Графена повела плечом. – Нас ведь трое… так полпула – с каждой.

– С каждой? – парни переглянулись и разом кивнули. – А садитесь ужо. Куды плыть-то?

– Сказала же – на тот берег. К Федоровскому ручью.

Не дожидаясь повторного приглашения, беглецы с готовностью уселись в лодку, от сего многолюдства едва не черпнувшую бортом воду. Парни, правда, умело выправили челн да, отчалив, заработали веслами. Оно, конечно, перегруженная лодчонка сидела в воде по самое не хочу – так ведь и волн почти не было, и ветер дул поверху, разгоняя скопившиеся за ночь серые облака да тучи. Выглядывало уже в прорехах чистое голубое небо, а вот показалось и солнышко, сверкнуло, отразилось в воде так, что Леонид поспешно прищурился, отвернулся да, приложив ладонь ко лбу, принялся рассматривать противоположный берег – Торговую сторону, сохранившуюся после Иванова погрома куда лучше Софийской.

Справа виднелся мост, близ которого покачивались у пристаней суда – плоские речные баркасы. Как и встарь, торговали и с немцами, и со шведами, конечно уже не в таких масштабах – и город уже не был свободным, да и лучшие времена немецкого торгового союза – Ганзы – остались далеко в прошлом. И раньше-то морские суда с глубокой осадкою не проходили знаменитые волховские пороги, отстаиваясь в Ладоге, перегружая товары на баркасы. А уж теперь и говорить нечего. После разорений Новгорода товары везли в Москву посуху, по торговым трактам. Тем более рядом поднялись и другие торговые конкуренты – та же Ладога или Тихвинский посад.

Тем не менее, краснокирпичные крепостные стены, выстроенные московскими зодчими по итальянскому образцу, все еще производили вполне достойное впечатление, как и видневшиеся за ними купола многочисленных храмов.

– В сам ручей не повезем, некогда, – обернулся один из гребцов. – Рядом, на вымоле, высадим, ага.

– Угу, – покладисто согласилась рыжая. – Нам ведь туда и надобно, правда?

Михутря ничего не ответил, лишь отрывисто кивнул, с подозрением оглядывая быстро приближившуюся пристань. Те же деревянные мостки, симметрично располагавшиеся по обе стороны широкого устья Федоровского ручья.

- Вот сюда, вправо, – направил капитан лодочников.
- Что-то ты хранишь, тетка, – удивился один из парней. – Простыла, верно.
- Так вчерась на вечерне пронесло. Ветер-то, ух!
- Малину сушеную заваривай, пей.
- Уж лучше брусницу.

Наконец причалили. Ткнулись бортом в пристань. Челн рыбачки не привязывали – просто удерживали руками, покуда пассажиры не вылезли.

- Ну, спасибо, – сунув парням медяхи, поблагодарила Графена.

Пристань оказалась полупустой – местные рыбаки уже отчалили, лишь какие-то баркасники возились, перегружали товары, да староста вымоля – седоватый, с растрепанной бороденкою дед – не преминул подскочить к приезжим. Получил, как водится, пуло, поклонился, счастья пожелал.

- И тебе не хворать, старче, – улыбнулась рыжая. – К Славкова улице как быстрее пройти?

Старик показал рукой:

- Вдоль стены ступайте, а дальше увидите.

Никем не преследуемые, беглецы так и сделали, зашагали по липкой грязи, и минут через пять, миновав малые крепостные воротца, уже поднимались по Славкова, мимо серых высоких заборов, за которыми виднелись потерявшие былой гонор хоромы. Серые, почти без всяких украшений, и какие-то постные, что ли. Ну да, а с чего разоренному Новгороду улыбаться-то, праздничать? Нынче все праздники на Москве, там теперь гуляют.

На Славкова впереди зашагал Михутря. Разбойничий капитан ни у кого ничего не спрашивал, как видно, прекрасно зная дорогу. Поднявшись по улице, у небольшой каменной церкви повернули направо, как показалось Арцыбашеву – на проспект! Широкий, мощенный дубовыми плахами, многолюдный!

- Пробойная, – покосившись на Леонида, пояснила Графена. – Народицу-то – ух!

И впрямь народу хватало. Пронзившая, словно стрелой, всю Торговую сторону и связывающая Торг с Московской дорогой, Пробойная улица даже и сейчас, после погрома, представляла собой весьма оживленную магистраль. Несмотря на ранее утро, беглецам то и дело приходилось обходить какие-то возы, носильщиков с досками, спешивших на рынок торговцев, мастеровых, нищих… Да кого только не было, включая промаршировавших стрельцов с лихой песней! В красных кафтанах, с бердышами на плечах, в лихо заломленных шапках. А как пели! Нет, не «Марусю», как было показалось Арцыбашеву, какую-то другую песню – но тоже веселую, строевую!

Правда, весело было лишь одним стрельцам. Народ, озираясь на них, хмурился, а кто-то даже ругался. И не бежали радостно в ногу с отрядом мальчишки, и красные девицы не выглядывали из теремов, не улыбались и не махали руками. Не забыли еще новгородцы причиненное собственным государем зло, ох не забыли! Да разве забудешь когда убитых, пожары да красный от крови снег? Как врывались в дома московские ратные люди – грабили, убивали, насиловали. Жгли.

– Эй, эй, – оглянувшись, Михутря крикнул задумавшемуся и засмотревшемуся на стрельцов Леониду: – Сюда, сюда. Поворачивайте.

Почти сразу за какой-то церковью свернули налево, где за заборами и домами тоже виднелась золоченая церковная маковка.

- Святого Ипатия церковь, – вполголоса пояснила Графена. – А улица эта – Рогатица.

Рогатица показалась Арцыбашеву довольно-таки угрюмой и опасной, словно затаившийся с кистенем тать. Впрочем, в те времена улицы особой приветливостью не отличались, чужаков не любили, в любой момент ожидая от них какой-нибудь каверзы, а потому отгораживались высокими заборами, крепкими воротами, держали во дворах злобных цепных псов.

Словно предупреждали – не ходи, чужой! Не заглядывай за ворота алчным взором да не вздумай чего украсть – тебе же боком выйдет.

– Сюда…

Вслед за капитаном Графена и Леонид свернули – а точнее сказать, юркнули – в узенький проулок меж двумя высоченными частоколами, за которыми тотчас же поднялся истощный собачий лай. Под ногами оказалась такая лютая грязища, что Арцыбашев едва не оставил там ботинок, а уж об испачканной одежке нечего было и говорить!

Шли, правда, недолго – протиснулись, перебрались через лужу и оказались в тупике – прямо напротив небольшой калиточки, висевшей на ременных петлях. Калиточку эту Михутря и открыл самолично, ловко просунув руку в щель. Странно, но никто во двор к чужакам не вышел, и даже собаки, похоже, не было – иначе б давно выскочила с лаем.

– Ну, что стоите? – обернулся разбойник. – Заходите, что ль.

– Ой, господине, – Графена неожиданно побледнела и закусила губу. – А нас тут, часом, не зарежут? Я слыхала…

– Что ты слыхала, дщерь, то твои дела, – рассердился капитан. – Идите ужо, что тут стоять-то.

Судя по явно испуганной девчонке, место, куда пришли беглецы, пользовалось в городе какой-то нехорошой славой, такой, что напрочь не нужны были ни цепные псы, ни крепкие, с надежными запорами, ворота.

Леонид внимательно осмотрел не столь уж и обширный двор и ничего особенно подозрительного не заметил. Двор как двор. По левую руку – птичник, хлев, отхожее место. Справа – банка и какой-то длинный сарай, примыкавший к обычному новгородскому дому – бревенчатому, просторному, на высокой нежилой подклети, вполне зажиточному на вид. Даже, судя по трубе, печь там топилась по-белому!

– Заднедворьем пройдем, – махнул рукой разбойник. – В горницу сразу не входите, сначала охолоните чуток.

Однако ж незваные гости не успели сделать и шага. В задней стене дома вдруг распахнулась дверь, откуда высунулся подозрительного вида хмырь – кривобокий, с реденькой рыжеватой бородкою и перекошенным белесым шрамом лицом. Порты, заправленные в грязные, с обмотками, кожаные лапти – поршни, накинутый на покатые плечи армяк, из-под которого виднелась суконная, с богатою вышивкою, рубаха, на поясе висел кривой нож.

– Ахти ж – жонки припожаловали! – кривобокий зловеще ослабился, показав редкие желтые зубы. – Вроде не звали ж… Оп! – Он вдруг узнал, явно узнал Аграфену, и в тот же миг та натянутая и неискренняя улыбка на плоском лице его вдруг исчезла, сменившись откровенно злобной гримасою.

– А ты что ж это, рыжая, сюда робить пришла? – сплюнув, с приыханием промолвил хмырь. – Что, с Холопьей выгнали, так у наших девок хлеб отбирать будешь? Не, не будешь. Не успеешь. Посейчас тебя – чик! И все.

– Пожалей, батюшко… – тоскливо всхлипнув, Графена изогнулась в поклоне.

А путь назад уже перекрыли дюжие молодцы с саблями! И откуда-то сбоку, из пристройки, выдвинулся в щель между досками тускло блеснувший пищальный ствол.

Не убежишь! Не выйдет! Придется принимать бой. Первым делом – уйти с линии огня, подставить на нее тех парней…

– Ты – Никола Кривой, я так понимаю? – сняв платок, невозмутимо поинтересовался разбойник.

Хмырь ухмыльнулся и приосанился:

– Я-то Никола. А вот ты что за молодец в платье бабьем?

– На платье бабье – причины есть, – резко поведя плечом, капитан повысил голос. – Безухого позови. Он же тут хозяин.

– Кого-кого позвать?

– Повторяю для глухих: Агапита Безухого. Скажи, Михутря с лесного тракта приложал. Разговор есть.

– Михутря? – озадаченно переспросил хмырь Никола.

Весь гонор его как-то сразу сошел, сдулся, хотя недоверие все еще оставалось, прячась в уголках желтоватых, глубоко посаженных глазок.

– Вы тут посторожите, робяты… А я доложу. Коль и вправду такой гость…

С минуту все оставалось как есть. «Гости» стояли себе на дворе, смирно дожидаясь хозяина, что же касаемо приставленных к ним парней, то те никакой агрессии не выказывали. Правда, и сабли в ножны не засунули… и пищаль из сафьяна торчала, и даже сладко пахло тлеющим фитилем.

Ожидание длилось недолго. Не прошло и пары минут, как на двор вышел коренастый мужик в распахнутой на волосатой груди рубахе тонкого фламандского сукна и расстегнутом добротном кафтане. Мосластое, сильно вытянутое лицо его напоминало лошадиную морду, только не добрую, а злую, чем-то недовольную. Портрет дополняли висячий, словно баклажан, нос, черные, с заметной проседью, усы с небольшой окладистой бородою и бесцветные, какие-то рыбы глаза – холодные глаза убийцы. Насчет уха – отрублено или нет – пока ясности не было: темные нечесаные патлы падали ниже плеч.

– Михутря! – надо сказать, хозяин здешних мест сразу же узнал гостя и даже выказал некую протокольную радость: разулыбался, распахнул объятия, словно встретил доброго друга после давней разлуки… а глаза между тем оставались прежними – недоверчиво-подозрительными, холодными. – Ну, здравствуй, здравствуй, бродяга! А говорят, что тебя стрельцы схватили. И даже уже казнили – повесили или посадили на кол.

– Ох, друг мой Агапит, – прищурившись, покачал головою разбойник. – А то ты не знаешь, казнили меня или нет. Небось, первым бы посмотреть на казнь примчался.

– Да куда уж мне мчаться-то, любезнейший Михаил Арсентьевич, – Агапит, умиленно прикрыв очи, оказал гостю высшую боярскую честь, назвав с «вичем», по отчеству. Может, и впрямь уважал, а может – просто немножко издевался. Так, чуть-чуть – мол, ходят тут всякие. – Годы-то мои ныне уже не те…

– Да уж, да уж, – в тон ему посетовал Михутря. – По вантам да на абордаж теперь не полазишь…

Слов «абордаж» и «ванты» в то время в русском языке не водилось, и капитан произнес их по-голландски, что ничуть не смущило хозяина, прекрасно все понявшего.

– Бежал, значит, что ж, – резко оставив приветствия, Безухий Агапит задумчиво почмокал губами, сразу став запредельно серьезным, словно бухгалтер, вспомнивший надвигающийся годовой отчет.

– Ну, бежал…

– Вижу, не один даже…

– Девка так… попутчица… А это вот – Ма… Михаэль, друг мой. Из Ливонии, тезка.

– Из Ливонии, хм, – рыбы глаза с подозрением уставились на Леонида. – Тоже, поди, из ваших, из оборванцев… из гезов. Так, господин? – Безухий резво перешел на ливонский диалект, и Магнус с удовольствием отозвался – мол, почти что так, и что же? Ну, гезы и гезы – с кем не бывает!

Почти все время, начиная с того момента, когда разбойничий капитан снял с головы платок, Арцыбашев внимательно разглядывал своего невольного спутника и спасителя. Высокий, широкоплечий, сильный, с красивым широким лицом, обрамленным вьющейся светлой бородкой, с такими же кудрями, Михаэль Уtrechtский обликом своим сильно напоминал какого-нибудь норвежского капитана или кого-нибудь из благородных героев Джека Лондона. Правда

вот, глаза подвели – не голубые, не серые, а темные, не поймешь какие – смесь карих с зеленовато-черными. Такие глаза иногда бывают у цыган.

– Ну, заходите в дом, гостюшки, – наконец решился Агапит. – Девку только свою в горницу не водите – в людской оставьте. Потом решим, что с ней. Парни!

– Да не убегу я никуда, дядько Агапит, – покосившись на подскочивших молодцев, вздохнула Графена. – Некуда мне нынче бежати.

– Что, и тебя ловят? – Безухий искренне удивился и хмыкнул в реденькие усы.

– Дак ловят…

– Ну, значит, натворила чего, корвища… Ладно, велю накормити.

– Вот это славно, дядько Агапит!

– Потом отработаешь.

Весь диалог Безухого с рыжей гулящею девкой происходил уже внутри дома – в подклети, а потом в сенях, где беглецы с девчонкой расстались. Та послушно пошла в людскую – что-то типа корчмы или постоянного двора, а «дорогие гости» пожаловали в горницу – просторное помещение, обставленное вполне европейской мебелью, причем не самой худой и дешевой. Гнутые стулья, небольшая софа, высокое, явно хозяйское, кресло за большим столом, секретеры, шкаф. В оконных переплетах не слюда, а мелкое стекло, на стене же, прямо напротив изразцовой печки – картина, как показалось Арцыбашеву – Дюрер или Босх. Нет, скорее все же Дюрер – у Босха на картинах много всякой мелкой фигни. А тут… чай-то портрет… какого-то немца…

– Чай портрет – не знаю, – перехватив взгляд гостя, промолвил Агапит.

Леонид улыбнулся:

– Дюрер. Его работа – точно.

– Может, и Дюрер, – Безухий склонил голову набок и задумчиво посмотрел на Арцыбашева. – А вы, господине, и впрямь – гез. С Молчаливым не доводилось встречаться? Где-нибудь под Лейденом или в Утрехте…

– Да как-то нет, – отшутился Арцыбашев. – Встретился б – может, с ним бы и остался, и нынче б здесь не стоял.

– Ну, что ж, господа мои, – предложив гостям стулья, хозяин уселся в кресло и, побаранив пальцами по столу, продолжал: – Я так понимаю, вам нужна одежда, некая толика денег и… скажем, какое-нибудь иностранное судно, стоящее на рейде в Ладоге.

Михутря довольно потер руки:

– Я всегда знал, что ты умный человек, Агапит! Иначе б не достиг здесь всего…

– Всего? – тряхнув шевелюрой, Безухийsarкастически усмехнулся. – Да что здесь такого-то? Впрочем, вполне уютно, не спорю.

– И все денежку ташат, – покивал капитан. – Это еще не считая тех доходов, что приносит кочма. Поди, вино хлебное гонишь, а? Нарушаешь царский указ? Ладно, ладно, не говори – это я так, к слову. Просто интересно, как это у тебя получается, что все время – на воле.

– А потому, милый мой, что и приказные, и стрельцы – тоже люди, – спокойно пояснил Агапит. – А все люди кушать хотят, и лучше – сладко. Вот я им иногда и подкину… детишкам на молочишко.

– А ежели кто не возьмет? – Михутря все никак не мог уняться, видать, прорвало после темницы на справедливость или обзавидовался просто чужому счастию – так ведь тоже бывает.

– Случается, и не берут, есть и такие люди, – не ушел от ответа Безухий. – И я их не всегда убиваю, далеко не всегда. А вот уважаю – всегда! Да и как таких людей не уважить, что на государевой службе – а мзду не берут? Ну, они не берут – берут другие. Всегда найдется тот, кто берет.

– Потому и процветаешь!

– С другими делюсь, по-божески.

— Так ты нам-то поможешь, Агапит? — покончив с вопросами, требовательно уточнил разбойник. Судя по его самоуверенному виду и тону, в каком он разговаривал с Безухим, последний был ему должен, и не мало. И не обязательно денег либо каких-нибудь иных материальных благ.

— Да помогу, сказал ведь уже, — покивав, хозяин повысил голос и, позвав служку, велел принести вина и покушать, что и было исполнено с замечательным проворством и расторопностью: на столе, словно сами собой, появились серебряные приборы и большие, тонкого голландского фарфора, блюда с разносолами, по большей мере разнообразной (и в самом разнообразном виде) рыбой, капустой, соленьями...

— Мяса, увы, не подам, — развел руками хлебосольный хозяин. — Среда нынче — постный день... А вина, что ж — выпьем, Господь простит.

Выпив, гости радостно приступили к закускам, Ага-пит же между тем подозвал слугу, приказав принести «синий гроссбух из contadorы» — что служка (вот уж проворный малый!) исполнил четко и быстро.

— Так, — отодвинув блюдо, Безухий полистал страницы. — Пятнадцатое... шестнадцатое... Ага, вот! «Черная корова», судно некоего Яана Корвиса, негоцианта из Любека. Отправляется через три дня с грузом кож — вам как раз только успеть.

— Вот и славно! — Михутря хлопнул в ладоши с такой силой, что казалось, где-то рядом выстрелила пушка.

— Вам, может, и славно, а мне — нет, — поскучнел Леонид. — Господин Михаил, мы с вами, кажется, несколько о другом уговаривались.

— Ах, да! — разбойный капитан покраснел и, досадливо хлопнув себя по лбу, вновь повернулся к Безухому. — Видишь ли, друг мой Агапит, я обещал сему славному господину лихой налет на обитель Святого Ефимия. Это тут, неподалеку...

— Я знаю, где.

Выйдя из-за стола, Безухий взволнованно заходил по горнице, поглядывая на Арцыбашева со все возрастающим любопытством. Ходил, мерил шагами комнату, да все что-то бормотал про себя, пока, наконец, не остановился напротив гостя:

— Осмелюсь спросить — а зачем вам потрошить Ефимьевский монастырь? Правду сказать, ничего там такого особенного-то и нету. А шуму будет — ого-го!

— Там его женщина, — шумно вздохнув, пояснил Михутря. — Томится в заточении, бедолага. Вот ее и хотим отбить.

— Отбить? — Агапит погладил бороду и сверкнул глазами. — А зачем отбивать? Гораздо легче — выкрасть.

— Выкрасть так выкрасть, — с готовностью согласился атаман. — Мы согласные.

Хозяин снова усмехнулся, все так же недоверчиво, как и прежде. Уселся в свое кресло, хлебнул из бокала хмельного кваску:

— Вы-то согласные... А я? В смысле как платить будете? Не о себе говорю — понимаю, я тебе, Миша, должен. А люди мои? Те, кто выкрадывать будет? Им-то — как?

Михутря вопросительно взглянул на его величество.

— Позвольте, я расплачусь с вами, уважаемый господин Агапит! — вальяжно заявил король. — А уж вы рассчитаетесь со своими людьми по справедливости — ведь каждый труд должен быть оплачен.

— Согласен, — быстро кивнув, хозяин потер ладони. — Итак, чем платить будете?

— Грамотой, — повел плечом Магнус-Леонид. — Велите принести чернильницу, перо и бумагу!

Безухий резко отшатнулся, едва не ударившись затылком о высокую спинку кресла:

— Ежели вы, господа, вознамерились запродаться ко мне в холопы, то я...

— Нет, не в холопы, — раздраженно отмахнулся король. — Велите же скорей все принести!

То ли уверенный тон гостя, то ли его поведение и манера держаться, то ли и то, и другое вместе произвели на хозяина корчмы вполне благоприятное впечатление. Не сказать, чтоб все его сомнения рассеялись словно дым, но писчие принадлежности все ж таки появились.

– Ну-с, – взяв в руки перо, Магнус поднял глаза. – Я предлагаю вам дом... трехэтажный особняк в Обер-палене, Пайде или в любом другом месте в Ливонии и на острове Эзель! Он достанется вам совершенно бесплатно, даром. Либо за счет выморочного имущества, либо – трофейный... А если захотите, вы можете построить свой, какой вам понравится – и совершенно бесплатно... То есть за счет ливонской казны, я хотел сказать. Причем вам совершенно не обязательно будет там жить – вы можете открыть там постоянный двор или какую-нибудь таверну, в конце концов, сдать в аренду!

– За счет ливонской казны... – эхом повторил Безухий.

Старый пират и тот еще прощелыга Агапит понимал, что его могут обмануть... и что скорее всего – обманывают. Понимал, да. Но никак не мог понять другое – почему так нагло?! Столь нереально, столь... Какой-то Эзель, Ливония... ведь можно было бы куда проще, но...

– Так вы берете дом, господин Безухий? Или вас как-то по-другому записать? Скажите, как, не тяните. И выберете место, наконец.

Агапит махнул рукой – ладно, мол. Вряд ли поверил, скорее просто решил отплатить добром Михутре – раз уж тот так просил за непонятного ливонца.

«Выкрадывание» назначили на послезавтра – Безухому нужно было время, чтобы собрать людей да составить какой-никакой план. Кое-что бывший пират уже рассказал и так, причем ни опальному королю, скрывавшемуся, впрочем, инкогнито, ни разбойному капитану Михаилу Уtrechtскому в этих планах и вовсе не нашлось места. Магнус-Леонид пытался возмущаться, на что Агапит вполне резонно возразил, что будет действовать через знакомых – монастырских служек и зависимых от обители крестьян, а потому – «чужим там не место, игумена насторожите токмо». Как ни кручинился Арцыбашев, а все ж сказал спасибо и за это.

Вернее, еще не сказал, а только собирался – после свидания с выкраденной супружницей. До того светлого момента, скорейшего приближения коего так желал высокопоставленный беглец, гости расположились в светлице с узкими, выходящими во двор окнами, забранными слюдою. Сие помещение, в отличие от хозяйского кабинета, поразило Магнуса спартанской скучностью обстановки – стол, широкие лавки вдоль стен, да по левую руку от входа большой сундук с плоской крышкою, на котором наверняка можно было и спать.

Беглецы так и сделали – выпив хозяйской бражки, улеглись (король на лавке, его спутник – на сундуке) да дали храпака почти целый день, до тех самых пор, пока не проснулись от звона колоколов, созывавших народ к вечерне. Церквей в Новгороде, даже после погрома, имелось во множестве, так что спать больше не пришлось, да и не охота уже стало – что и говорить, выспались.

Вечером снова посидели в компании Агапита и его верного упыря – кривобокого Николы. Так себе выдались посиделки, не особенно-то и веселые. Безухий с Михутре вспоминали былые пиратские времена, причем большей частью говорили то по-английски, то по-голландски, так что Арцыбашев ни черта толком не понимал. Так ведь и не один он – Никола Кривой тоже скучал да кривился, нетерпеливо поглядывая в окно, где – в курной избенке на заднедворье – его уже дожидалась рыжая Графена. Не по собственной воле – какая у гуляющих дев воля? – а пожалованная хозяином в качестве награды за верную службу. Не на всю ночь пожалованная – на вечер только, о чем Безухий сразу же своего верного пса и предупредил, ничуть не стесняясь гостей: мол, долго с корвищей не валандайся и насмерть не умучь – пригодится еще, «мнози мужи после дела толоку буйную повождлять захотети».

— Так что больше о деле думай, и корву сильно кнутом не стегай, а так, вполсильы, — отпуская наконец ерзавшего на лавке слугу, Агапит угрюмо захочотал и, самолично наполнив брагою кружку, не чокаясь, опростал единственным духом.

Беглецы переглянулись.

— Это ты, друже Агапит, нашу рыжую упырю своему отдал? — негромко поинтересовался Михутря.

— А она, чай, не ваша, а с Холопьей, беглая. Стало быть — моя.

Пожав покатыми плечами, хозяин вновь наполнил кружку, на этот раз не забыв пlesнуть и гостям:

— Ну, что смотрите? Ну, любит Кривой девок кнутом постегать — и что? Насмерть еще ни одну не засек... без мово согласья! И рыжую не забьет, не. Ишшо парням, служкам, после дела достанется.

— А то у тебя своих девок нету? — усмехнулся разбойник.

Агапит хмыкнул:

— Есть, да не про их честь. Пущай работают, деньги приносят. А эта приблуда... Должен ведь с нее быть хоть какой-то толк? Сегодня велел ее покормить, завтра, чай, тоже есть будет.

— Ну, тут ты прав, друже, — разведя руками, Михутря весело сверкнул цыганскими глазами и предложил выпить за удачу.

Тост охотно поддержали, а после уж хозяин, сославшись на неотложные дела, покинул компанию.

— Нельзя нам долго в Новгороде, — помолчав, Арцыбашев подошел к окну и, зябко поежившись, накинул на плечи найденный здесь же, в сундуке, широкий, с длинными полами, охабень из персидской шерстной ткани — зуфы. Холодновато к ночи стало, на то и светлица — помещение летнее, никакой печки там и не полагалось.

Скосив на короля глаза, Михутря невольно хихикнул, тут же извиняясь:

— Больно уж вид у вас, ваше величество... того... Охабень поверх камзола...

— Так его обычно сверху и носят. Поверх кафтана иль зипуна.

Показав знакомство с местным бытом, Арцыбашев тоскливо хлебнул бражки:

— Эх, жаль, в город не выйти. А то послушали бы, чего о нас говорят.

— Агапит сказал, ничего не говорят, — вытягиваясь на сундуке, лениво пояснил капитан. —

Биричи-глашатаи на Торгу ничего не кричат, никого ловить не призывают.

— Значит, хитрят приказные. Надеются своими силами словить, не хотят, чтоб дошло до начальства.

Леонид покачал головой и к чему-то прислушался.

— Конечно, не хотят, — зашуршав набитым соломой матрасом, согласился Михутря. — Я б на их месте тоже не очень-то бы...

— Тсс!!! — король быстро подошел к окну. — Слышишь? Что это? Вот опять! Как будто кричит кто-то.

— Так это Графена, корвиша рыжая, — зевнул разбойник. — Видать, Никола Кривой ее кнутом пользует. Говорят, он на такие дела мастак, всеми пытками у Ага-пита заведует. Боятся его.

— Кого? — зачем-то уточнил Леонид. — Безухого или Кривого? Ну и компанию ты, Михаил, выбрал.

— А других у меня и нет.

В дверь вдруг негромко постучали. Вежливо испросив разрешения, в светлицу вошел слуга — сероглазый отрок в сермяге и франтоватых сапожках зеленого сафьяна, кои, верно, больше пошли бы девице, нежели парню. Хотя и в шестнадцатом веке имелись свои понятия о красоте и вообще — о прекрасном.

— Я Василь, служка хозяйствский, — поклонившись, представился отрок. — Господин прислал спрятаться — не надобно ли чего? Бражица не кончилась ли?

— Бражица! — приподнявшись на сундуке, Михутря хмуро передразнил слугу и пригладил светлые кудри. — Так день-то сегодня — постный.

— А у господина знакомый батюшка есть, — ничуть не смущаясь подросток. — Здесь, рядом, в Ипатьевской церкви. Любые грехи отмолит.

— То-то и оно, что любые... Не, ничего не надобно. — Спохватившись, капитан вопросительно глянул на короля.

Тот тоже отмахнулся, правда сразу же удержал слугу:

— Эй, эй, постой-ка! Как там тебя? Василий...

— Василий, господине. Так.

— Вот что, Василий, — покусав губу, Леонид задумчиво почесал за ухом. — Ты вот пойди во двор и этому... упирю вашему кривому скажи... скажи, мол, гости спать хотят, а тут такие вопли! Пушай заканчивает уже с девкой, не то Агапиту нажалуемся...

— Понял, господине! — Василь неожиданно просиял лицом. — Посейчас побегу, скажу Кривому. Мне тож рыжую жалко. Красивая!

— Красивая, — снова передразнил Михутря, едва только слуга успел выскочить в сени. — Корвища — она корвища и есть. Одно слово — гулящая. Одначе сама себе такую судьбу выбрала.

— Если этот выбор у нее был, — негромко заметил король.

Крики между тем прекратились, так же неожиданно резко, как и начались. Как видно, юный Василь исполнил порученное дело качественно и быстро. Да и Никола Кривой, верный хозяйствский пес, конечно же, побаивался своего господина и перечить ему не осмелился.

Почти всю ночь Арцыбашев провел в раздумьях и лишь только к утру забылся нервным прерывистым сном. Весь день, тянувшийся медленно и нудно, беглецы тоже провели муторно. Леониду и кусок в горло не лез, молодой человек все никак не мог дождаться ночи, терзая себя мыслями о скорой встрече с любимой, на которую так надеялся. Ну конечно надеялся, а как же! Этот Безухий Агапит, судя по всему, имел здесь, в Новгороде, немалый авторитет, тем более за него вроде как поручился Михутря — Михаил Уtrechtский, с которым Леонид уже, можно сказать, сроднился. И вообще, без Михутри не случилось бы никакого побега, и везли бы уже коронованного пленника в Москву в утлом возке да по тряскому тракту, а там... Что могло произойти — произошло бы! — в Москве, Арцыбашев и представлять себе не хотел.

Та-ак! Кажется, Агапит упоминал о каком-то ливонском корабле? Так сразу с Машей — туда. На борт, поднять паруса, и в путь! Скорей, скорее отсюда. Кстати, капитан и матросы, очень может быть, знают ливонского монарха в лицо, и вполне могут догадаться о том, что дело здесь нечисто. Помогут ли? Не испугаются ли Ивана Васильевича и его людей? Ну... это уже потом, после того, как выкрадут Машу. Обязательно выкрадут, такие люди — да не выкрадут? Нет уж, шалишь!

И опять бессонная ночь... хотя нет — всего лишь половина ночь, хотелось бы, чтоб половина, и чтоб скорей, скорей все! Ах, Маша, Маша, Марьюшка! Мария Владимировна, княжна Старицкая, племянница Ивана Грозного... Господи — самого Грозного! И его, Магнуса... Арцыбашева Леонида — жена! Законная, венчанная... И — любимая. Господи, ну вот надо же так.

Михутря уже давно похрапывал на сундуке, а Леониду не спалось. Он то сидел на лавке, прихлебывая принесенный служкой Василем квас, то вскакивал на ноги, подбегал к окну, взглядаваясь в мрачную черноту ночи. С вечера зарядил дождь, и не было видно ни зги. Ни месяца, ни звезд, ни огонька припозднившегося посадского человечка — ничего. Словно бы город, разрушенный злобной волей собственного царя, и в самом деле перестал существовать — пропал, растворился в окрестных болотах, помнивших еще времена легендарного Рюрика. Рюрик...

Вот и Маша – Рюриковна, из его рода. Все права имеет на российский престол. Что сделает с нею Иван? Страшно подумать.

Где-то за окном, в темноте, вдруг вскинулись, заблажили собаки. Залаяли было, но почти сразу же успокоились, как видно почуяли, узнали своих.

– Отворяй! Отворяй ворота ужо. Василько, ты там уснул, что ли? Смотри, паря, отведаешь мово кнута.

Приехали! Точно, вернулись. С Машей… Да-да, с Машей!

Леонид бросился к дверям, распахнул…

– Ох, господине! – на пороге возник Агапит.

Мосластое лицо его казалось спокойным и довольным, в руке мерцала восковая свеча.

– Ну? – не выдержал Магнус. – Как там? Что?

– Сладилось, – мосластый улыбнулся, в бесцветных глазах его отразилось на миг рыжее пламя. – Сделали все, как надо. Привезли вашу зазнобу.

– Господи-и-и…

– Идемте. Увидите. Да, дружка-то своего, Михутрю, будите. Посейчас и пир! А потом – лошадей вам дам, да на корабль, утром как раз и будете.

Спросонья Михаил поначалу не понял – куда и зачем ему надобно идти, но наконец поняв, рассмеялся:

– Я ж вам говорил! Свидитесь со своей любою.

В нетерпении Леонид спустился во двор, не чуя под собой ног. Впереди, показывая дорогу, шел хозяин, в окружении дюжих слуг. Светлеющее небо алело зарею, зачинавшийся день обещался быть солнечным, теплым.

«Бабье лето, – расслабленно подумал король. – Хорошо как все! Теперь с Машею на корабль – и в Ливонию».

– Тута она, одежку выбирает, – останавливаясь напротив приземистого амбара, оглянулся Агапит. – Платье-то нынче потеплее надоть. Ой, чегой-то темно там… Видно, свечу задуло – сквозняк. Э-эй, красавица!

Заглянув в приоткрытые амбарные воротца, Безухий, не дожинаясь отклика княжны, тут же и обернулся, тряхнув сальной шевелюрою, и щелчком пальцев подозвал слугу:

– Дай господам свечечку… и вина-мальвазеицы дай!

Арцыбашев рассеянно взял в руки длинную восковую свечу, его спутник – изящный серебряный кувшин с узким горлом.

– Ну, идите, – махнул рукой хозяин. – Там она… Ждет.

Амбар был сплошь заставлен тюками, сундуками и полками. Сверху, со стропил, свисали какие-то звериные шкуры, кожи, меха. Где-то в глубине, за шкурами и сундуками, виднелась тоненькая фигурка в женской накидке-летнике – узорчатой, длинной, с такими же несуразно длинными, завязанными за спиной узлом, рукавами с прорезями для рук. Странная эта одежка была весьма популярна во всех русских землях. Шилась из дорогой ткани, украшалась жемчугом и стоила немеряных денег. Только боярыни такие носили, да еще купчихи богатые… или вот – княжна…

– Маша! – Леонид бросился вперед, споткнулся обо что-то, едва не упал.

Позади что-то заскрипело, хлопнуло… И как-то вдруг резко стемнело, хоть глаз коли!

– Черт! А мы ведь попались, кажись… – выругавшись, негромко промолвил капитан. – И довольно глупо.

– Что? – Арцыбашев сперва не очень-то понял, в чем дело, и снова позвал княжну. – Маша, ты где? Ау!

– Да нет здесь никакой Маши, – невесело усмехнулся Михутря. – Просто летник на чурбак повесили… Сволочи!

За воротами послышался обидный хохот.

– Ну, извиняйте, – отсмеявшись, Агапит хрюплю прокричал в какую-то щель так, чтоб было слышно. – Просто не могу я вас отпустить, да. Уж такая награда обещана! Да и вообще, мне с властью жить дружно надоть.

– Сволочь ты, Агапит, – присаживаясь на какую-то бочку, констатировал факт разбойник.

Безухий покладисто согласился:

– Сволочь. А что делать, Миша? Такова жизнь. А никакой девы в Ефимьевской обители, кстати, уже и не было. То есть раньше-то была какая-то княжна. Так и ту третьего дня на Москву увезли – так-то!

– В Москву?! – вскрикнул Магнус. – Врешь, небось?

– Нет уж, на этот раз не вру, – Агапит беззлобно хохотнул. – Христом-Богом клянусь – увезли. В обители-то и выяснилось, что у меня за гости. То есть я сам догадался. Ну, бывайте. Как рассветет, гонца в приказ пошлю, а там пущай приезжают. Вино, кстати, вкусное – пейте, что вам еще делать-то?

– Эй, эй, Агапите, не уходи, – спохватившись, Михутря бросился к воротам. – Может, договоримся, а?

– Не договоримся, увы. Я ж сказал – с властями мне дружно надо.

– Хорошо… А я тогда здесь при чем?

– Так за двоих награда.

Бывший ландскнехт долго и витиевато ругался, Леонид же молчал, думал, кстати – ничуть не осуждая Безухого. С ним было все понятно: узнал о том, кто именно бежал и какая за него награда… впрочем, не столько наградой прельстился, как возможностью сделать что-то для местной власти, и не только для местной, а, в конечном итоге – для самого царя. Шутка ли! Тут о любом обещании забудешь, о любой другой выгоде. В общем-то, для самого Магнуса-Арцыбашева хуже не стало. Вряд ли Иван Васильевич намеревался его простить… а уж ежели и намеревался, так неудачный побег решению царскому не помеха. Подумаешь! Единственное, жаль было Михутрю. Хотя если рассуждать логически, так капитан сам подставился. Бывает.

– А что тут у нас в бочках-то? – неожиданно справился Леонид. – Да и вообще – что тут есть-то?

Сам же и заглянул в первый попавшийся бочонок – оказался с капустой квашеной, второй – с солониной.

– Ну, хоть с голоду не помрем, – Михутря невесело ухмыльнулся и покачал головою. – Светлеет уже.

– То-то и оно, что светлеет, – тихо промолвил Леонид, глядя на проникающий сквозь узкую щель зыбкий призрачный свет зачинавшегося утра. – Скоро за нами приедут. Часа через два, максимум – через три. Эй, капитан! Успеем сбежать за это время?

Разбойник сразу же оживился:

– Попробуем! Давайте, ваше величество, так: вы ищете возможность выбраться, а я попытаюсь договориться со сторожем. Должен же нас кто-то охранять!

На том и порешили. Чихая от пыли, Арцыбашев самым тщательным образом ощупал и, насколько мог, осмотрел все вокруг: стены, крышу, стропила, даже пытался колупнуть попавшимся под руку ковшиком земляной, утоптанной до твердости обожженной глины, пол. Безуспешно.

Тем же самым занимался и Михутря – договариваться оказалось не с кем, никто узников не охранял. Двери амбара просто заперли на засов – и все. Видать, Агапит все же нешибко-то доверял своим людям и вовсе не собирался лишний раз подставлять их соблазну. Или просто не так уж и много было у него людей, да все чем-то заняты, так что бездельничать, торчать у амбара, некогда.

Как бы то ни было, а засов оказался прочным, ворота – крепкими, о бревенчатых стенах и говорить не приходилось. Если б узникам пришлось находиться здесь долго, можно было бы попытаться раскопать-таки пол, на что, похоже, времени нынче не имелось вовсе. Оставалась одно – крыша. Но и там надежды оказались напрасными – крепкие, видно, что новые, недавно поменянные, доски сломать или расшатать не представлялось возможным. Нет. Если бы было время, то, возможно, как-нибудь и умудрились бы, но так вот, с насекома – увы.

– Да уж, – пожевав капусты, смачно сплюнул Михутря. – Хоть головой об ворота бейся. С разбегу – словно баран.

– Зачем же – головой? – неожиданно осведомились снаружи, из-за ворот. – Больно, наверное.

Узники удивленно переглянулись. Голосок показался тоненьkim, детским или женским… Любопытствовал кто-то из дворни?

– Здесь замок большой, – между тем быстро продолжали снаружи. – Ключ – у Безухого на поясе. Но я могу открыть, если хотите.

Разбойник ахнул:

– Что значит – если хотим?

– Есть одно условие, – хмыкнул нежданный спаситель… или спасительница. – Меня с собой возьмете. В Ливонию.

– Тебя? – Михутря повел плечом. – А ты кто вообще?

– А вам что за дело? Так открывать замок-то?

– Открывай! Открывай!

– Тогда клянитесь. Оба. Быстрее думайте только.

Вскочив на ноги, Арцыбашев тут же решил за двоих:

– Да что тут думать! Клянемся.

Снаружи что-то лязгнуло. Еще пара секунд – и тяжелая створка ворот чуть-чуть отворилась, едва только протиснуться, пролезть. Что и говорить – узники задерживаться не стали, выскользнули, словно утки, и… разом ахнули!

– Рыжая!

– Аграфена!

– Ты?!

Быстро закрыв ворота и заперев замок, девчонка обернулась и махнула рукой:

– Теперь за мной давайте. Здесь, за амбарцем, пройдем… Лохма-ач, Лохмач… Лохмаченько… На вот тебе косточку, кушай.

Погладив по голове огромного вислоухого пса, девчонка дала ему косточку и кивнула опасливо остановившимся беглецам:

– Не бойтесь, не тронет. Не залает даже. Вчера его целый день прикармливала. Так, на всякий случай. Вот он, случай, и выпал.

Леонид лишь восхищенно присвистнул:

– Ну, Аграфена!

– Однако сторож хороший, – поглядывая на пса, протянул кондотьер. – Главное, и не договоришься с таким никак.

– Ну-у, кто-то все ж таки договорился!

– Скорей, – рыжая указала рукой на длинную крышу приземистого сарая. – По крыше, через забор – в проулок, а там на Лубяницу.

Беглецы молча ринулись следом за своей юной спасительницей. Гулящая уже подобрала подол, чтоб не мешал бежать, да, спрыгнув в проулок, в грязь, засверкала коленками да босыми пятками, понеслась с такой скоростью, что узники едва за ней поспевали.

– Ну и горазда же девка бегать! – удивлялся на бегу Михутря.

Арцыбашев ничего не говорил, дыхание берег – не сбить бы. А девчонка и впрямь неслась, как хороший спринтер или даже паркурщица: с ходу перепрыгивала лужи, резко сворачивала, а потом вдруг, подпрыгнув и ухватившись за сук высокой раскидистой липы, махнула через ограду, едва не порвав грязный подол.

Так же поступили и беглецы, и Леониду повезло меньше: зацепился-таки советским ботинком за ограду да грохнулся с высоты прямо в лужу, так что спутники его, оглянувшись, не выдержали и громко захохотали.

– Ох, и угораздило вас, ваше величество.

Леонид отмахнулся:

– Да ла-адно. Все равно одежку менять.

И впрямь, ходить по Новгороду образца одна тысяча пятьсот семьдесят третьего года от Рождества Христова в кримпленовых брюках-клеш означало бы неминуемо привлечь к себе внимание практически каждого встречного-поперечного. Женскую-то одежду молодой человек скинул, едва оказался на подворье предателя Агапита, а получил взамен пока что один охабень, да и тот оставил, чтоб быстрее бежать. Так и ходил – брюки-клеш и приталенная желтая рубашка с огромным отложным воротником а-ля «хиппи волосатый».

– Платье? – Михутря глянул на короля и вновь рассмеялся. – Да, пожалуй, поменять бы неплохо. А то как-то слишком уж... не как у всех.

Беглецы несколько перевели дух на застарелом пожарище, укрывшись за обугленными бревнами полуразрушенного амбара или риги. Дальше, шагах в десяти, за ивами и вербой, за березками с желтоватыми прядями осенней листвы, виднелась широкая многолюдная улица – Лубянница, на той стороне видны были чьи-то узорчатые хоромы и – почти рядом – одна за другую, три церкви.

– Святого Луки храм, – перехватив королевский взгляд, пояснила Аграфена. – За ней – Спас-на-Ильина, а дальше – церковь Знамения. Там просфорки вкусные, я бывала как-то.

– Так нам – за просфорками? – Арцыбашев невольно улыбнулась, поражаясь живучести этой рыжей девчонки и ее отношению к жизни. Тут бежать надо, каждая секунда дорога, о том только и думаешь, как бы не поймали. А она – просфорки! Веселая.

– Космы у тебя грязные, Графена.

– Ничо, вымою, – девчонка резко тряхнула головою. – Ну, что, по Ильина как раз на Торговую площадь выйдем. Там и одежду стыrim, ага.

– Стыrim, – хмыкнул Магнус-Леонид. – Слово-то какое... современное...

– Татарское, наверное, – рыжая перекинула за спину косы, – или – свейское. У нас, в Новгороде, много свейских слов. Та-ак... Как подойдем, я вам скажу, что делать. Господине Михутря, ты б другу-то однорядку свою дал.

– Ах, да, – быстро сбросив с плеч широкую долго-полую одежду с длинными, с прорезями, рукавами, разбойный капитан протянул ее королю:

– Накиньте, ваше величество, чтоб внимания не привлекать. Ну, а я уж так, в зипунке.

В зипунах (чем-то напоминающих длинный приталенный блэйзер) обычно ходили простолюдины, всякие там мастеровые, менеджеры-приказчики и прочий подобный люд. Для дворянина, богатого купца, не говоря уже о боярине, показаться на улице в одном зипуне или кафтане означало чуть ли не голым на люди выйти. Обязательно надо было что-то сверху накинуть, для приличия, положенье свое в обществе подчеркнуть: ферязь, ту же однорядку, охабень... Еще и шубу можно, даже летом – не для тепла, престижа ради! По тем же причинам многие не на метро, а на автомобиле на работу ездят да по три часа в пробках стоят, хотя на подземке за десять минут добрались бы. Неудобно, однако терпят, словно средневековые бояре. Ничего нового на земле нет.

Чем ближе к Торгу, тем многолюднее становилась улица. Монахи, артельщики, мальчишки со сбитнем и пряниками, спешащие на рынок служанки, а то и богатые дамы в возках. И каждый старался вырядиться понаряднее: если кафтан – так ярко-красный, с желтымшелковым шнуром, с золочеными пуговицами, ежели азям – так небесно-голубой или травянисто-зеленый, да поверх – желтую, изумрудную, алую ферязь или бобровую шубу, крытую сверкающей на солнце парчой! Да хотя бы цветастый кумачовый кушак – и то дело, и то эдак глямурненько, да к кушаку и сапожки черевчатые, и…

– Да уж, народу хватает, – протянул Леонид.

Михутря с презрением сплюнул и повел плечом:

– Это разве народ? Вот раньше, вот это был народ – целые толпы! А сейчас… нынче уж дело не то. Обмельчал Новгород, обнищал, обезлюдел – Грозному царю спасибо сказать, тьфу!

Впереди показался Торг, весь, словно часовыми, обставленный древними церквами: Святого Иоанна на Опоках, Бориса и Глеба на Торгу, Святого Георгия, Успения, Параскевы Пятницы…

Слева, у приземистой, с крепкими стенами, церкви Святого Иоанна, расположились крестьянские возы. Предлагали овес, грибы, лукошки с брусникой и клюквой, рябину, мед, дичину, орехи и все такое прочее, что давали суровые северные леса.

– Вы тут ждите, – остановилась Графена. – А я – за одеждой.

– Постой, постой, – Арцыбашев торопливо схватил девушку за рукав. – А деньги? У нас и пула медного нету!

Оглянувшись, гулящая сверкнула большими жемчужно-серыми глазищами, сверкнула не просто так, а с озорством, с изрядной долею наглости:

– Ужо как-нибудь и без денег обойдемся, попробуем. Ждите, ага.

Сказала и исчезла, скрылась в толпе продавцов-покупателей, так что беглецы не успели и слова сказать.

Михутря ослабился:

– Ничо, ужо сыщет одежку. Девка еще та! Проворная.

– Даром, что проворная, – забеспокоился, заволновался король. – Лишь бы не попалась!

Между тем собравшийся у крестьянских возов народец, по виду – не шибко-то и зажиточный, активно торговал ягоды и орехи.

– Эй, борода, почем клюква? – высокий, со светлыми кудрями, парень, говорил с явным новгородским акцентом: «поцем».

– Корзина – денга, – почмокав губами, отозвался бородатый крестьянин.

Парень хмыкнул:

– Да я за денгу курицу куплю, дядя!

– И покупай. А ягоды мои не трогай.

– А хомут, хомуты по сколько?

– Полденги. Есть и по денге некоторые. Добрые-то хомуты, бери.

– Боровички за что отдашь?

– Полденги лукошко!

– Однако!

– К нему ишшо сырое лукошко – даром.

– Даром, говоришь… А давай!

– Вон тот-то хомут почем? А дай-ко глянуть.

– И ягодок попробовать дай! Сладка ли твоя клюква? А ну-кось…

– Руци от ягод моих убери!

– Да я попробовать токмо…

– Сказал – убери! Не то как двину оглоблею!

От всего этого шума у Леонида заболело в ушах, и он переместился чуть ближе к паперти Ивановской церкви, встал под деревцем, изображая праздного зеваку... И вдруг почувствовал, как откуда-то сзади его крепко ухватили за плечо, и чей-то довольный вкрадчивый голос сказал:

— Ага, попался, голубчик! Я уж давно тебя приметил, да-а.

Глава 3 Дорога

Осень 1573 г. Новгород – Москва

– Ну, обознался, обознался, с кем не бывает? Очень уж ты, Леня, на дружка мово, Устюжанского Ваньшу, похож! И ликом, и станом – ну, вылитый Ваньша!

Парня звали Григорием, Григорием Толмачевым, и был он лоцманом из Тихвинского посада, что не так уж и далеко от Новгорода, в Обонежской земле. Он и схватил Арцыбашева за плечо – обознался, а человеком оказался хорошим, и вот, желая сгладить вину, вовсю потчевал новых знакомцев пивом в ближайшей к Торгу харчевне на углу Ивановской и улицы Михайлова.

Пиво оказалось вкусным, а Гриня – так он просил себя называть – рассказчиком «мели, Емеля, твоя неделя», не давай покушать – дай поболтать! Под пиво еще заказали у службы жареной белорыбицы с караваем, опять же – угощал Толмачев, за что беглецы были ему весьма благодарны, поскольку давно уже проголодались так, что аж скулы сводило.

– Богородица у нас, Божьей матери образ, Тихвинская, – хвастал лоцман. – Знаете, верно.

– Да знаем, – скромно потупив глаза, Михутря махнул рукой. Еще б ему не знать! Сколько в краях тех разбойничал! Ну, не в самом посаде, конечно, а верстах в шестидесяти на север, на Архангельском тракте, в лесах. – Бывал как-то в Тихвине… проездом, на ярмарке.

– То-то я смотрю, мне и твое лицо знакомо, друже Мисайл! – обрадовался Григорий. – Так вы, говорите, в Москву?

– Угу, угу, в Москву, – сделав долгий пахучий глоток, Арцыбашев сдул пену с усов. – Нам бы скорее надо. Ты случайно не знаешь, с кем?

– Отчего ж не знаю? Знаю, – лоцман важно пригладил бородку. – Охрябятого Терентия караван на Москву идет, отправляются прямо завтра. На днях – еще двое купцов. Вы поспешайте – возьмут ли?

Приятели переглянулись:

– А что, могут и не взять?

– Посейчас такие времена, что могут, – оглянувшись по сторонам, Григорий понизил голос почти до шепота. – С час назад по всем купчишкам, гостям московским приказные с целовальниками прошлись. Строго-настрого предупредили, что ежели попросятся двое… или трое – двое мужиков, да с ним рыжая гулящая девка – так сообщили бы в приказ немедля… Или – ближайшим стрельцам, стражникам.

– Вона как! – округлил глаза разбойник. – И кого ж ловят-то?

– Да шильников каких-то, воров, – Гриня подозвал служку, заказать еще пива. – Грамотцы с приметами купчинам розданы. Ужо схватят.

– Так-та-ак, – озадаченно покусав губы, Леонид поднялся с лавки. – Вы тут посидите пока, а я – на улицу. Кой-кого встретить надо.

– Надолго ль уходишь, брате?

– Да быстро.

Поплотнее закутавшись в однорядку, Арцыбашев вышел на улицу и через пару минут уже вновь оказался возле мужицких возов. И вовремя – там уже крутилась Аграфена с увесистую котомкой на правом плече.

– Оп! Вона вы где, господине, – увидев короля, девчонка явно обрадовалась, заулыбалась. – А я-то, дура, уж было подумала, что вы меня бросили.

– Мы ж, Аграфена, клятву давали.

– Теперь на пустырь какой зайдем, я тут, недалече, знаю. Переоденется, да…

– Тебе тоже переодеться надо, – усмехнулся Арцыбашев. – И косы обрезать.

– Как это – обрезать? Зачем это?

– А так и обрезать – в отрока! И одежду подбери… Через часок тут же и встретимся, поняла?

– Поняла, господине, – озадаченно кивнула девчонка. – В отрока… Как не понять? Вона дело-то! Ну, так я побегу… а котомку оставлю. Тут рубаха справная, кафтан, сапоги – должны бы впору прийтись, ага.

Леонид не спрашивал, откуда одежка. И так было ясно – украла девка все или, скорее, просто разделя пьяного.

Когда Арцыбашев вернулся в харчевню, Михутря и Гриня уже едва ли не лобызались, допивая третью кружку – увесистую, деревянную, объемом никак не меньше литра.

– А, вот и его ве… Тсс! Вот и друг мой – Леня! Мы и тебе пива оставили – вон.

Усевшись на лавку, король с удовольствием пододвинул к себе кружку – пиво здесь варили вкусное, ничуть не хуже, чем в Риге.

– А я Грине все об нас рассказал, – глянув на своего спутника, неожиданно ошарашил разбойник. – Что идем мы в Тихвин, поклониться иконе святой – Богоматери Тихвинской образу. Он и сам туда же идет – вместе и доберемся.

Леонид поморгал и шмыгнул носом:

– Э-э… так, говоришь, в Тихвин…

– Ну да, в Тихвин, – подтвердил бывший ландскнехт. – А оттуда на Москву прямая дорожка. Тракт! Ямщики на каждом шагу – живо доберемся.

Арцыбашев с облегчением перевел дух и рассмеялся – идея показалась ему весьма неплохой. Обмануть погоню, уйти туда, куда вроде бы как и не надо, где никто не ждет. Единственное, было жалко времени. Но раз уж все так складывалось, то приходилось чем-то жертвовать, иначе нельзя.

Посидев в харчевне еще часок, друзья простились с лоцманом до утра и отправились на Торговую площадь, гадая – где провести ночь? Паломники к Тихвинской иконе, с которыми намеревался добраться до родного посада и Гриня, выступали в путь как раз с утра, еще до восхода. Лоцман очень просил не опаздывать, обещав лично договориться со старшим.

– Ну, и где ж она? – подойдя к возам, Михутря принял оглядываться вокруг в поисках Аграфены. – Ты ж сказал, корвища здесь дожидается.

Они как-то незаметно перешли на «ты», что явно пошло на пользу делу. И правда, коль выпало вместе коротать длинный и опасный путь – так чего «выкать»?

– И вообще, незачем ее и брать, – продолжал высказываться разбойник. – Внимание привлекает только. И кормить еще. Пользы-то от нее никакой… ну, разве что…

Тут уж Арцыбашев не выдержал, возмутился:

– Как это, пользы никакой? А кто нас освободил? Кто одежду раздобыл мне? Не-ет, никак нельзя девчонку бросать. Тем более – поклялись же! Я слово свое королевское дал!

– Ой, зря, зря дал! Ну? И где ж ее носит? Нам, между прочим, поспешать надо. И еще неизвестно, где ночевать.

– Здравы, господа мои, будьте, – звонко выкрикнул ошивавшийся рядом мальчишка.

Приятели обернулись:

– И тебе не хворать, отроче. Чего хочешь? Имей в виду – по будням не подаем, и вообще, с деньгами у нас тugo.

– То я ведаю, что тugo, – рассмеялся отрок.

Темно-рыжий, тоненький. С большими жемчужно-серыми глазами и по-девчоночными пышными загнутыми ресницами.

– Графена!!! – ахнул король. – Нет, ну… Нет слов! Просто нет слов.

Мальчишка… то есть – девчонка, потупилась:

– Вы ж сами сказали – в отрока. Вот я и…

– Н-да-а-а, – почесав затылок, протянул Михутря. – А что? Так, верно, и лучше. Родная мать не узнает, не то что приказные, да.

Медно-рыжие волосы Графена обрезала до самых плеч, облачилась в узкие порты и широкую, складками, льняную рубаху, подпоясанную красным шелковым кушаком. Поверх рубахи был накинут барайский армянок. Глянешь – этакий служка, юный приказчик или даже самого целовальника сын.

От девки остались, пожалуй, лишь смазливое лицо да томные, с загнутыми ресницами, глазищи. Великоватая, не по росту, рубаха отлично скрывала девичьи бедра и грудь, не столь уж и большую, а честно-то говоря, маленькую – ладонью накрыть.

– Что ж – отрок так отрок, – довольно покивал Леонид. – Скажем – слуга. Да, теперь бы и мне переодеться, да думать будем, где ночевать.

– А что тут думать? – переодетая мальчиком девчонка дерзко сверкнула глазищами. – Со мной пойдете. Переношуем – знаю где. Там уж никто искать не станет.

– Вона как! – Михутря как бы невзначай подмигнул его величеству и ухмыльнулся. – Ну, веди, веди. Поглядим. Лучше бы, конечно, на каком постоялом дворе укрыться.

– Там-то в первую очередь искать и будут, – резонно возразил король. – Эй, Графена, ты нас часом не на постоялый двор поведешь?

– Не-а, – девка тряхнула рыжей шевелюрой. – Сказала же, одно место есть. Жить там нельзя, а переночевать – запросто можно.

– Это что же за место такое?

– Там увидите. Да, и Графеной меня пока не зовите – я ж отрок теперь. Называйте Санькой, что ли.

Что ж, и это было логично – и в самом деле, что посторонние люди подумают, коли парня именем девичьим кликать?

Выйдя вслед за гуляющей на длинную Пробойную улицу, беглецы зашагали в сторону Федоровского ручья, который вскоре и перешли по деревянному мосточку, оказавшись на Большой Московской дороге, что пересекала весь Плотницкий конец до самой воротной башни и дальше уж тянулась до самой Москвы. Эх, туда бы сейчас, да с попутными купчишками, эх!

– Что там у ворот, парни? Много ли скопилось возов? – остановившись напротив изысканно-красивой каменной церкви Федора Стратилата на ручью, поинтересовался Михутря у проходивших мимо артельщиков, судя по виду – котомки, топоры, лучковые пилы в кожаных чехлах – явившихся на заработки буквально только что вот сейчас.

– Возов, человече, многонько-от, – перекрестившись на церковную маковку, отозвался кто-то из парней. – То-то и оно, что скопились. Стражники вокруг ходят, стрельцы – все что-то вынюхивают или ловят кого-то.

– Шпыней, говорят, ищут каких-то, – добавил другой артельщик – бородатый, коренастый тип. – Икону какую-то украли у Святой Софии, христопродавцы поганые!

– Икону? – разбойный капитан округлил глаза в деланом ужасе. – Вот ведь тати-то! В кипятке таких варить надо или, вон, топить в Волхове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.